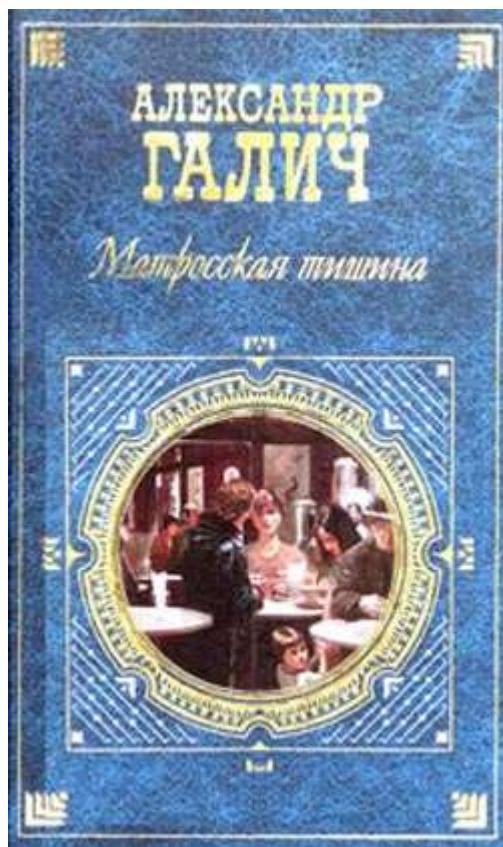

Александр Галич

Матросская тишина

(Моя большая земля)

Драматическая хроника в четырех действиях

Действие первое

Детство. Город Тульчин.

Август тысяча девятьсот двадцать девятого года. Первая пятилетка. Очереди у хлебных магазинов. Вечерами по Рыбаковой балке слоняются пьяные. Они жалобно матерятся, поют дурацкие песни и, запрокинув голову, с грустным недоверием разглядывают звездное небо. Следом за пьяными почтительными стайками ходим мы – мальчишки.

В ту пору нам было по десять – двенадцать лет. Мы не очень-то сетовали на трудную жизнь и с удивлением слушали ворчливые разговоры взрослых: о торговле, которая пришла в упадок, и о продуктах, которые невозможно достать даже на рынке. Мы, мальчишки, были патриотами, барабанщиками, мечтателями и спорщиками.

Шварцы жили в нашем дворе. Вдвоем – отец, Абрам Ильич, и Давид. Они занимали большую полуподвальную комнату. Вещи в этой комнате были расставлены самым причудливым образом. Казалось, их только что сгребли с телеги старьевщика и еще не

успели водворить на места. Прямо напротив двери висел большой портрет. На портрете была изображена старуха в черной наколке, с тонкими, иронически поджатыми губами. Старуха неодобрительно смотрела на входящих.

Вечер. Абрам Ильич Шварц, маленький человек, похожий на плешившую обезьянку, сняв пиджак, разложил перед собой на столе скучные деловые бумаги, исчерканные карандашом. Давид стоит у окна. Ему двенадцать лет. У него светлые рыжеватые вихры, вздернутый нос и чуть оттопыренные уши. Он играет на скрипке и время от времени умоляющими глазами поглядывает на круглые стенные часы. У дверей, развалившись в прорванном, кресле, сидит толстый и веселый человек – кладовщик Митя Жучков.

Сухо пощелкивают костяшки на счетах. Упражнения Ауэра утомительны и тревожны, как вечерний разговор с богом. За окном равнодушный голос протяжно кричит на одной ноте: «Сереньку-у-у!..»

Шварц (бормочет). ...Вчера, семнадцатого августа одна тысяча девятьсот двадцать девятого года, было отправлено в Херсон шесть вагонов и еще девять вагонов в Одессу... Так, пишем!

Давид. Раз и, два и, три и!.. Раз и, два и, три и!..

Митя. Гуревичи уже сложились... Чистый цирк, честное слово! Отчего это, Абрам Ильич, у евреев так барахла завсегда много?

Шварц (уткнувшись в бумаги). Семейные люди, очень просто!

Митя (усмехнулся, помотал головой). Нет, Я на Розу Борисовну прямо-таки удивляюсь. Это надо же – с малыми дитями, с больным мужем – и на такое отчаянное дело подняться! Прямо не старуха, а Махно какая-то, честное слово!

Давид (опустил скрипку). Папа, уже без четверти девять.

Шварц. Ну и что?

Давид. Я устал.

Шварц. Устал?! (Покосился на Митю.) Он устал – как вам это понравится. Митя?! Между прочим, целый божий день я стою больными ногами на холодном цементном полу. И целый божий день мне морочат голову. И на вечер я еще беру работу домой... Так почему же я никому не жалуюсь, что я устал? Что?

Давид. Не знаю.

Шварц (подумав). Сыграй Венявского и можешь отправляться на двор. (Усмехнулся.) Ему, видите ли, Митя, с отцом скучно! Ему нужны его голь, шмоль и компания... Сыграй Венявского, ну!

Давид. Хорошо.

Давид снова поднимает скрипку.

Печальная и церемонная музыка Венявского. Абрам Ильич слушает, чуть наклонив набок голову и почесывая в затылке карандашом.

Шварц (шепотом, с торжеством). А, Митя?!

Митя (развел руками). Талант!

Шварц. А теперь еще разок упражнения Ауэра.

Давид. Папа!..

Шварц (неумолимо). Упражнения Ауэра, и тогда пойдешь!

Молчание. Давид в ожесточении принимается за очередное упражнение. Шварц уткнулся в бумаги. Равнодушно кричит женщина: «Сереньку-у-у!..»

Митя (словоохотливо). Уезжают, значит, от нас Гуревичи. В Москву едут, к братцу. Братец ихний, Сема, агентом работает – жуликов ловит... Слышите, Абрам Ильич, чего говорю? Сема Гуревич, говорю, жуликов ловит! Мелкоту небось, вроде нас с вами, Абрам Ильич, верно?

Шварц (зашипел). Откройте дверь! Откройте дверь, чтобы слышал весь двор, сумасшедший!

Митя (счастливо захохотал). От нас Москва далеко, Абрам Ильич, нас не поймают!

Давид. Раз и, два и, три и!.. Раз и, два и, три и!..

Шварц. И еще десять вагонов в Николаев. Всего это будет двадцать пять вагонов... Так, пишем!

Митя (вздохнул). Да-а, поехал бы я в Москву. Поехал бы – и знаете, Абрам Ильич, чего первым бы делом сделал? В магазин бы пошел, честное слово! Купил бы себе булку французскую, франзоль! Я ее, сволочь такую, сперва бы маслом намазал, а потом... А потом я бы – ах ты, братцы мои, – потом я съел бы ту булку! Всю!

Давид. Папа, уже девять часов.

Шварц. Меня интересует – ты играешь на скрипке или ты смотришь на часы?

Митя (добродушно). Да ладно, Абрам Ильич, отпустите вы его, пускай человек побегает...

Шварц (со смешком). Вот как? Вы меня извините, Митя, я вас очень уважаю как хорошего кладовщика, и всякое такое... Но если я не ошибаюсь – я имею в виду музыку, – так профессор Столярский это не ваша фамилия?!

Митя (неожиданно обиделся). Моя фамилия Жучков, это все знают! А что я цельную кучу братьев своими руками поднял – это тоже все знают!

Шварц (высокомерно). Ну, и кем же они стали, ваши братья, позвольте спросить? Они закончили консерваторию? Они адвокаты? Врачи? (*Снова усмехнулся.*) Каждому свое, Митя! Давайте лучше займемся делами...

Митя (показал глазами на Давида). Давайте, только...

Шварц. А-а, да-да! Давид, можешь отправляться во двор.

Давид. Хорошо. (*Аккуратно укладывает скрипку в футляр. Ставит футляр на полку.*)

Шварц. Упадет. Поставь глубже.

Давид. Хорошо... Теперь я могу идти?

Шварц. Иди, сынок.

Давид уходит.

Митя (поглядел вслед). Замучили вы паренька, Абрам Ильич!

Шварц (резко). Митя, это не ваше дело! (*Помолчав.*) Знаете, о чем я мечтаю? Когда-нибудь я получу отпуск и премию. И тогда я возьму Давида и поеду с ним к морю. В Крым. Мы будем жить как цари, в белом дворце, и по утрам горничная в крахмальном фартуке прямо в постель будет приносить нам яичницу с колбасой из четырех яиц и кофе с крендельками... Что?

Митя. Чудак вы, Абрам Ильич! В прошлом году вы на Турксиб собирались, теперь в Крым...

Шварц. Да, я чудак... Займемся делом! В субботу я вам дал ящик мыла. Сто кусков, за которые я сам заплатил но три рубля. Что вы сумели с ними сделать?

Митя. Есть один человек, дает три сотни и еще тридцать бумажек. Говорит – через неделю мы и этого не получим. Вам решать, Абрам Ильич.

Шварц. Триста тридцать рублей?! Кошмар! За удовольствие заниматься коммерцией мы скоро будем, кажется, докладывать из собственного кармана! Триста тридцать рублей! Это же просто грабеж! Что?.. Ну а с вельветом?

Митя. Вельвет берут. Тут такая история...

В дверь стучат.

Шварц. Тихо!.. Кто там?

Входит человек в мокнатой шляпе, в светлом заграничном костюме. В руках трость, плащ и маленький чемодан. Это Мейер Вольф. Он высок и широкоплеч.

Вольф. Добрый вечер! Как поживаете, Абрам?

Шварц (растерянно). Простите... я не...

Вольф. Может быть, вам нужна моя визитная карточка?

Шварц (приглядываясь). Боже мой!..

Вольф. Ну же!

Шварц. Мейер!.. Мейер Вольф!

Вольф. Наконец-то! Здравствуйте, Абрам!

Шварц (в волнении). Мейер Вольф!.. Подождите! Подождите, дайте мне вас потрогать! Невероятно! Когда вы приехали?

Вольф. Минут сорок назад.

Шварц. Почему? Зачем? На какой предмет?

Вольф. Я расскажу.

Шварц. Да... Да... Только давайте сядем, а то у меня ноги дрожат.

Митя (поднялся). Я, Абрам Ильич, другим часом зайду.

Шварц (отмахнулся). Конечно!

Митя торопливо уходит.

Вольф. А где Давид?

Шварц. Где-нибудь бегает... Слушайте, Мейер... Нет, я все еще никак не могу поверить в то, что это действительно вы! Последняя ваша открытка была из Рош-Пина...

Вольф. Вы получили ее?

Шварц. Получил, получил. Это было год... или полгода назад, не помню.

Вольф (сел, огляделся). Ну, так как же вы тут живете?

Шварц. Какой об нас разговор?! Человек приехал из Палестины, и он еще спрашивает – как мы тут живем! Или вы не знаете Тульчина? Не знаете, как тут можно жить?!

Вольф. Знал когда-то. Но теперь, если верить газетам, многое переменилось – строительство, индустриализация...

Шварц (иронически). В Тульчине? Наша индустриализация – это паточный завод имени Розы Люксембург, бывший «Арон Сукеник и сыновья». (Засмеялся.) Ну, хорошо! Я считаю, что по случаю вашего приезда мы имеем полное право выпить рюмку-другую... Как вы?

Вольф. Не возражаю.

Шварц лезет в шкаф, достает графин с водкой, два граненых стакана, хлеб, помидоры. Кладет все это на стол, на газету, разливает водку в стаканы.

Шварц. Будем живы-здоровы! С приездом. Ешьте помидоры... Так зачем же вы вернулись, Мейер?

Вольф. Просто так.

Шварц (насмешливо). Ах, просто так? Ладно, можете не говорить, это ваша забота. (Понизив голос.) Я хочу знать одно – не политика?

Вольф. Упаси бог!

Шварц (с облегчением). Правильно! Политика – это занятие для англичан и поляков... Слушайте, Мейер, так вы действительно своими глазами видели Иерусалим, и Стену Плача, и Средиземное море?

Вольф. Да, конечно.

Шварц. Можно и сойти с ума! Сидит, разодетый как граф, и спокойно говорит: да, конечно! Ну, за Средиземное море!

Вольф. Мне довольно.

Шварц. Как хотите. А я, с вашего разрешения, повторю. Будем живы- здоровы!

Вольф. А что слышно у Гуревичей? Яша все лежит?

Шварц. Лежит. Старуха увозит его и детей в Москву! Завтра едут! Можете себе представить?..

Вольф (задумчиво). Вот как? А ведь и вы когда-то тоже собирались в Москву, Абрам!..

Шварц (он уже слегка захмелел). Собирался! Чего только я не собирался сделать! Я всю жизнь, безвыездно, живу в этом городе. И всю жизнь, сколько я себя помню, я хочу отсюда уехать. (Помотал головой.) Нет, Мейер, нет – никуда я уже теперь не уеду и ничего не увижу! Ничего, кроме пьяных мужиков на Рыбаковой балке, и моего товарного склада, и поездов – скорых, курьерских, почтовых... Всяких...

Вольф. Вы все еще ходите по вечерам на станцию?

Шварц. Случается. Иногда. Помните ту красавицу из скорого, что попросила нас сбегать за кипятком?

Вольф. Ирину?

Шварц. Да, Ирину... То есть нет, не Ирину... Это мы уже сами потом придумали, что ее звали Ириной! Впрочем, это не важно. Тогда мы еще были вполне приличными кавалерами.... Что?

Вольф. Хоть куда.

Шварц (поднимает стакан). Ну, за Ирину!

Быстро вбегает высокая крупная женщина со страдальческим и вдохновенным лицом, расстрапанная, с хитрыми молодыми глазами. Это Старуха Гуревич.

Старуха Гуревич (торжественно). Еще два дня таких сборов, и меня повезут... Но только не в Москву, а на еврейское кладбище! У вас есть шпагат?

Шварц. Поищем.

Вольф. А «здравствуйте» вы не умеете говорить?

Старуха Гуревич (равнодушно). Здравствуйте.

Шварц (засмеялся). Смотрите – она не узнает! Это же Мейер Вольф.

Старуха Гуревич. Какой Мейер Вольф? (Вздрогнула, вскинула голову.) Бросьте! Мейер Вольф?.. Это вы?

Вольф. Я.

Старуха Гуревич. Оттуда?

Вольф. Да.

Старуха Гуревич. Насовсем?

Вольф. Да.

Старуха Гуревич. Крупное дело?

Вольф. Как вам сказать...

Старуха Гуревич (почти угрожающе). Ну-ну-ну!

Вольф (пожал плечами). Допустим.

Старуха Гуревич. Он хочет меня обмануть. (*Усмехнулась.*) Имейте в виду: мужчин я вижу насквозь. (*Неожиданно всхлипнув.*) А Яшенька все лежит, знаете? Лежит, не встает. Доктор Ковальчик, этот умник, говорит: везите его на грязь! Так я его спрашиваю, этого умника: зачем нам куда-то ехать и тратить деньги, когда грязь – это как раз то единственное, что мы всю жизнь имеем дома! И притом совершенно бесплатно! (*Снова всхлипнула, засмеялась, двумя пальцами благоговейно ухватила Вольфа за рукав пиджака.*) Костюмчик тоже оттуда? Пустяки – выделка. А про меня вы уже слышали, Мейер? Везу своих в Москву. Великий путешественник! Колумб!.. Абрам, вы мне найдете шпагат?

Шварц. Держите.

Старуха Гуревич. Спасибо... Знаете что? Приходите к нам. Через полчаса, когда мы поужинаем. Посмотрите наши железнодорожные билеты, сделаете с Яшенькой немножко лехаим на дорогу. Ну а потом вы нам, Мейер, про нее расскажете... Хорошо?

Вольф. Можно.

Старуха Гуревич. Так я за вами зайду! (*Убегает. В дверях она задерживается, оборачивается, видимо, собирается что-то спросить, затем, передумав, машет рукой и исчезает.*)

Шварц (помолчав). Полное впечатление, что она действительно едет открывать Америку, – так она шумит.

Вольф. Да, Абрам, кстати, а как поживает ваше собрание почтовых открыток?

Шварц (гордо). Благодарю вас. Мое собрание поживает хорошо. У меня уже две с половиной тысячи штук! (*С надеждой.*) Может, хотите взглянуть?

Вольф. С удовольствием.

Шварц вынимает из ящика стола толстый, переплетенный в кожу альбом, осторожно кладет на колени.

Шварц (шепотом). Здесь у меня Европа... Вот объясните мне, Мейер. почему такое: когда я вижу нарисованную картинку «Лес шумит» или там «Море волнуется», так я поглядел на нее один раз, и мне довольно, клянусь вам! А вот – простая фотография, и под ней подписано: «Пляс де-ля-Конкорд», и ходят люди, и всякое такое – так на эту фотографию я могу смотреть целые сутки, и мне не скучно.

Вольф вытаскивает из кармана несколько почтовых открыток, протягивает их Абраму Ильичу.

Вольф. А такие у вас есть?

Шварц (всплеснув руками). Мейер! (*Бережно разложил открытки на столе.*)

Вольф. Такие есть?

Шварц. Нет, таких у меня нет... Ни одной такой нет... Вот это что?

Вольф. Берлин, Аллея Победы... Видите в углу газетный киоск? Там я купил эти открытки.

Шварц. Вы были в Берлине?

Вольф. Проездом.

Шварц (восторженно). Честное слово, Мейер... Я вам, конечно, верю, по мне все время кажется, что вы врете!

Вольф (улыбнулся). А как вам нравится Испания?

Шварц. Про Испанию я даже говорить не хочу! Сокровище, Мейер! Они же странные люди, эти испанцы. Обычно они снимают одну Альгамбуру! Какую открытку ни возьми – Альгамбра, и снова Альгамбра, и нох-а-мул Альгамбра... А тут Барселона, Кордова – сокровище! (*Перелистывает альбом, останавливается, вскрикивает.*) Боже мой!

Вольф. Что случилось?

Шварц. Булонский лес пропал... Вот здесь он был, видите, и вот он пропал!.. Он, и Марселя тоже нет... Двух открыток Марселя...

Вольф. Может быть, вы их выронили?

Шварц (медленно). Нет, Мейер, я их не выронил! (*Встает, подходит к двери, кричит.*) Давид!

Вольф. Не горячитесь, Абрам!

Шварц. Хорошо, хорошо... Давид!

В дверях появляется Давид.

Шварц. Ты мой альбом брал?

Давид (замялся). Н-нет!

Шварц. Тебе кто позволил брать мой альбом?

Давид. Я не брал.

Шварц. Не брал? Значит, ты еще и врешь? Воруешь и врешь, боясь! (*В ярости шагнул к Давиду, схватил его за ворот рубахи, встряхнул, ударил ладонью по лицу.*) Я тебя отучу воровать и врать! Я у тебя вышибу из головы эту манеру – воровать и врать!

Давид молча, с ненавистью, смотрит на отца. Рот у него в крови.

Давид. Я не брал.

Шварц. Куда ты дел Булонский лес и Марсель?

Давид. Я не брал.

Шварц. Так, значит, это я взял? Да? Это я – вор?..

Давид. Не знаю.

Гулко хлопает дверь. Вбегает Митя.

Митя (задыхаясь). Абрам Ильич!

Шварц (медленно повернув голову, холодно спросил). Ну? В чем дело? Почему вы кричите?

Митя. Абрам Ильич, Филимонов вас требует... Ревизия!

Шварц (помолчав). Вот как? Интересно! А зачем же кричать? (Усмехнулся.) Запомните, Митя, хорошенько: когда человек честный, так ему нечего бояться. (Поднял палец.) Вы меня поняли? Идемте! Подождите меня, Мейер, Я скоро вернусь! (Берет со стола початую бутылку водки, сует ее в карман, кивает Мите, и они вдвоем быстро уходят.)

Молчание. Вольф встает.

Вольф (Давиду). У тебя – кровь... Возьми платок – вытири.

Давид. Черт проклятый!

Вольф. Это отец?

Давид (сквозь слезы). Отец, отец... Убить его надо к черту, и все!

Вольф (спокойно). Ну что ж, убить – это правильно.

Давид. Что?

Вольф. Я говорю, что это ты правильно придумал – убить. А пистолет или ножик у тебя есть?

Давид (растерянно). Нет...

Вольф. Чем же ты его убьешь? Впрочем, пожалуй, ты прав – мальчик из Тульчина может обойтись без ножика и без пистолета. Мальчик из Тульчина должен убивать папу так: нужно взять обыкновенную пустую бутылку и насыпать в нее вишневых косточек, И вот когда папа возвращается с работы домой и садится к столу ужинать, ты должен подойти к нему сзади и ударить его бутылкой...

Давид (испуганно, не отрывая взгляда от лица Вольфа). Что вы говорите?

Вольф (резко). А ты что говоришь?! Глупости болтаешь – убить, убить... Умный мальчик, а болтаешь глупости! Садись-ка, братец, лучше сюда – рядом. Вот так. Ты помнишь меня?

Давид. Да. Вы – дядя Мейер.

Вольф (кинулся). Правильно! (Помолчав.) Вот и все. Как будто я и не уезжал никуда. Все как прежде, – вечер, мы сидим с тобой рядом, и я рассказываю тебе сказку...

Темнеет. Протяжно кричит за окном женщина: «Се-реньку-у-у!..»

Давид. Опять Сережку Соколова мать ищет.

Вольф (усмехнулся). Ты знаешь, сколько лет кричит эта женщина? На моей памяти она кричит уже сорок с лишним лет! Ищет своего Сереньку, Петью, Мишку...

Снова на пороге появляется Старуха Гуревич.

Старуха Гуревич. Я за вами. Вы готовы? А где Абрам?

Вольф. Его вызвали на склад. Он скоро придет.

Старуха Гуревич (после паузы). Вот что, Мейер, как старые друзья... Я же сразу поняла, что при Абраме вы не хотите всего говорить! Помилуй бог, я ничего не имею против него, по ведь это же всем известно, какой у него язык, когда он напьется... Вы затеваете

большое дело, да?

Вольф. Нет.

Старуха Гуревич (*не слушая Вольфа, задумчиво*). Может быть, я делаю глупость, что еду в Москву? Так всегда – это еще говорил мой папа, – когда евреи становятся прaporщиками, так перестают отдавать честь! Мы уезжаем в Москву, а вы начинаете здесь большое дело...

Вольф. Я же вам говорю – нет!

Старуха Гуревич. Толкуйте! Что я, маленькая?! (*Прищелкнула пальцами*.) Ладно, пошли. Все ждут вас. К нам все-таки не каждый день приезжают гости из Палестины.

Вольф. Сейчас я приду. Еще десять минут.

Старуха Гуревич. Мы ждем. (*Уходит*.)

Молчание.

Вольф (*негромко, без улыбки*). Завтра с утра по всей Рыбаковой балке будут говорить о том, что Мейер Вольф собирается рыть нефтяные скважины, или продавать пальмы, или промывать золотой песок... Что-нибудь в этом роде.

Давид. А разве нет?

Вольф. Нет.

Давид (*разочарованно*). А зачем же вы приехали?

Вольф. Я приехал домой. Я просто приехал домой. Неужели это так непонятно?

Давид. А в вашей квартире Сычевы теперь живут.

Вольф (*заходил по комнате*). Чепуха! Найдем где жить. Не в комнате счастье. Я уехал с маленьким чемоданом и вернулся с маленьким чемоданом. И этот костюм, который на мне, – это мой единственный костюм. И никакие квитанции на получение груза не лежат у меня в кармане! (*Остановился*.) Когда я был таким, как ты, Давид, мой отец торговал перчатками, сумками, пуговицами, поясами. Мы ездили с ним в Польшу, в Галицию, на Украину... Тысячи тысяч местечек. И в каждом местечке новое горе, новые заботы и старый разговор: «В будущем году, в Иерусалиме». И в каждом местечке имелся свой праведник, который на старости лет отправлялся умирать на Святую землю. «Четыре шага по Святой земле – и вы очиститесь от всех земных грехов» – так было обещано в старых книгах! И вот с той норы всю жизнь я мечтал накопить денег и поехать туда – в Иерусалим...

Давид. Так оно и вышло...

Вольф (*покачал головой*). Нет, милый, совсем не так. Оказалось, что Стена Плача – это просто грязная старая стена. И что приехал я не на родину, а в чужую страну, где можно только плакать и умирать. И что люди там – чужие мне люди! Что мне Сион и что Сиону переплетчик Вольф из русского города Тульчина?! Ты понимаешь меня?

Давид. Не очень.

Вольф (*улыбнулся*). Ну и хорошо. Тебе и не нужно этого понимать! (*Вздохнул*.) Да-а, а небо там действительно очень синее. И песок очень желтый. И по вечерам все плачут и молятся. А я, видишь ли, привык, чтобы в тот час, перед сном, когда я кончил работу, вымыл руки и сел у окна, я привык слышать, как женщина зовет своего Сереньку, а мальчишки играют в казаки-разбойники, а где-нибудь идут девушки и поют песню... И вот тогда снова я взял в руки свой чемодан...

Бьют часы.

Давид. Половина десятого.

Вольф. Ладно, я пойду. Скажешь папе, что я у Гуревичей.

Давид. Да.

Вольф. Будь умником, Давид.

Давид. Да.

Вольф встал, пошел к двери, обернулся. Говорит медленно, с растерянной и странной улыбкой.

Вольф. Самое нелепое... Вот – я вернулся домой... Прошло каких-нибудь полтора часа, и мне уже начинает казаться, что, может быть, я снова ошибся, а? Может быть, я был совсем не в том Иерусалиме и видел не ту Стену Плача?! (*Махнул рукой.*) Ну да, впрочем, этого ты уж и вовсе не поймешь! Спокойной ночи, Давид! (*Уходит.*)

Тишина. Давид отломил ломоть хлеба, густо посыпал солью. Уселся на стол, жкует. В окне появляются две головы – темная и светлая, две смеющиеся рожицы. Это – Танька и Хана.

Танька. Маугли, братец! Доброй охоты! Мы одной крови: ты и я!

Хана. Додька!

Танька. Месяц скрылся за тучи... Доброй охоты, братец! Мы одной крови: ты и я!

Давид (грубо). Чего надо?

Танька. ИграТЬ выйдешь?

Давид. Нет.

Танька. Почему?

Давид. Потому что... Одним словом, это мое дело – почему!

Танька. Что ешь?

Давид. Хлеб.

Танька. С чем? С вареньем?

Давид. Нет. Просто хлеб с солью.

Танька. Тю! А у нас сегодня мать пироги с капустой пекла. Я вот такущих четыре куска съела!

Давид. Я не люблю пирогов с капустой.

Танька (иронически). Черный хлеб вкуснее?

Давид. Да.

Танька. Нарочно говоришь? Ты пойдешь с нами в Маугли играть?

Давид. Нет, не пойду.

Танька. А в Буденного?

Давид. И в Буденного не пойду!

Танька (наконец обиделась). Ну и не надо, подумаешь. Мы Вовку Павлова позовем. Он и как тигр Шерхан умеет рычать, и лает, и все!

Давид. Вот и валяй. Зови Вовку Павлова.

Танька. И позову!

Давид. Зови, зови.

Танька (чуть не плача). И позову! (*Испадает.*)

Давид. Танька!

Хана. Она убежала уже.

Давид (после паузы). Ну и пусть!

Хана. А я к тебе прощаться пришла. Мы ведь завтра рано уедем – ты еще спать будешь.

Давид. Вы – почтовым, восемьдесят третьим?

Хана. Да.

Давид. Плохой поезд! Что ж, до свиданья, Хана.

Хана (протянула нараспев). До сви-данья! Ты так говоришь, как будто мы через неделю опять встретимся. А мы, может, и не встретимся никогда больше.

Давид. Встретимся. Я тоже в Москву приеду – учиться. В консерваторию. Кончу школу и приеду.

Хана. Правда?! (Задумчиво улыбнулась.) Ты приедешь, а я тебя встречу... Ты мне письмо пришли, ладно? И я тебя встречу. Запиши мой адрес.

Давид. Говори, я запомню.

Хана (торжественно). Москва, Матрёсская тишина, дом десять, квартира пять. Гуревичу, для Ханы. Повтори.

Давид. Москва, Матрёсская тишина... Погоди, а что такое – Матрёсская тишина?

Хана. Не знаю. Улица, наверное.

Давид (повторил, с интересом прислушиваясь к звучанию слов). Матрёсская тишина! Здорово! Ведь вот – не назовут у нас так... Только это, конечно, не улица. Это гавань, понимаешь? Кладбище кораблей. Там стоят всякие шхуны, парусники.

Хана. В Москве же нет моря.

Давид. Ну – река. Это все равно, чудачка. И там, понимаешь, стоят всякие шхуны, парусники, а на берегу, в маленьких домиках, живут старые моряки. Такие моряки, которые уже не плавают, а только вспоминают...

Слышен голос Старухи Гуревич: «Хана-а-а!»

Хана. Мне пора. Мама зовет... Давид, ты скоро приедешь?

Давид. Не знаю.

Хана. Слушай, ты подари мне на память чего-нибудь, ладно?

Давид. У меня нет ничего! (Подумав.) Вот, возьми, что ли. (Протягивает Хане в окно листок бумаги.)

Хана смотрит, хмурится, затем решительным жестом возвращает листок обратно.

Хана. Не надо мне!

Давид. Ты что?

Хана (взволнованно). Танька не уезжает, а ты ей целых три открытки подарил! А я уезжаю, так ты мне какую-то картинку вырезанную даешь!

Давид. Зато на ней корабль нарисован. Я эту картинку над своим столом повесить хотел.

Голос Старухи Гуревич: «Хана-а-а!»

Хана. Бегу. До свидания.

Давид. До свидания, Хана!

Хана. Адрес не позабудь.

Давид. Да, да.

Хана. Пиши непременно.

Давид. Ладно.

Хана. До свидания, Давид!

Давид. До свидания, Хана!

Хана убегает. Давид одни. Он садится в кресло, вытирает рот платком. Тикают часы. Прогрохотал поезд. Стало совсем темно. Где-то далеко, на другом дворе, захрипела шарманка:

И мой всегда, и мои везде,
И мой сурок со мною...

Шарманка захлебнулась и умолкла. Внезапно с грохотом открывается дверь. На пороге появляется маленькая, нелепая, растерзанная фигура Шварца.

Шварц (еле ворочает языком). Додик!

Давид (не двигаясь). Явился!

Шварц. Почему здесь так темно, а?

Давид. Я лампу зажгу.

Шварц. Он, не надо!.. Я лягу спать... Я сейчас лягу спать... Ты раздеться мне помоги...

Давид. Еще чего!

Шварц (пытаясь быть строгим). Давид!

Давид. Что?.. Испугал один такой! Проспишься, все равно ни черта помнить не будешь!..

Шварц. Раздеться мне помоги...

Давид. Сам разденешься.

Шварц. Ботинки... Ботинки с меня сними... Додик...

Давид. Я свет зажгу.

Шварц. Не надо.

Давид. А я говорю – надо! (*Подходит к столу. Возится с настольной лампой.*)

Шварц уселся на пол.

Шварц. Ботинки с меня сними...

Давид. Успеется... (*Зажег наконец лампу. Поставил ее на пол рядом со Шварцем.*)

Шварц (испуганно). Ты что это, а?.. Ты чего? Ты спалить меня хочешь?..

Давид. Нужен ты мне!

Шварц (его совсем развезло). Ты погоди... А ты – кто?.. Я извиняюсь, а вы кто?.. Вы по какому праву?..

Давид. Да помолчи ты, честное слово.

Шварц неожиданно привстал на колени и заплакал.

Шварц. Ваше благородие, не погубите! Не для себя... Клянусь вам, не для себя!.. Не погубите, ваше благородие!

Давид подошел к бочке у двери. Зачерпнул ковшом воды, выплеснул на Шварца. Шварц ткнулся ничком в пол, забормотал что-то невнятное. Молчание.

Давид. Ну?

Шварц (почти трезво). Додик, помоги мне раздеться.

Давид поднял Шварца, усадил в кресло. Перенес лампу на стол.

Шварц. А что с лицом у тебя? Почему губа распухла?

Давид. Ты не помнишь?

Шварц. Нет... Это – я?

Давид. Ты!

Шварц (вскрикнул). Нет!

Давид. Да.

Шварц (горестно). Додик, милый!.. Ну, ударь теперь ты меня!.. Ну, хочешь – ударь теперь ты меня!

Давид. Папа!

Шварц порывисто обнял Давида, зашептал.

Шварц. Ничего, Додик! Ничего, мальчик! Ты не сердись на меня... Ничего... Мы с тобой вдвоем... Только мы вдвоем... Больше нет у нас никого! Я ведь знаю – и что жуликом меня называют, и мучителем, и... А-а, да пусть их! Верно? Пусть! Я же целый день как белка в колесе верчусь на своем товарном складе – вешаю гвозди и отпускаю гвозди, принимаю мыло и отпускаю мыло, и выписываю накладные, и ругаюсь с поставщиками... Но в голове у меня не мыло, и не гвозди, и не поставщики! Я выписываю накладные и думаю... Знаешь, о чем? (*Взмахнул руками.*) Большой, большой зал... Горит свет, и сидят всякие красивые женщины и мужчины, и смотрят на сцену... И вот объявляют – Давид Шварц – и ты выходишь и начинаешь играть! Ты играешь им мазурку Веняевского, и еще, и еще, и еще... И они все хлопают и кричат: браво, Давид Шварц, – и посылают тебе цветы и просят, чтобы ты играл снова, опять и опять! И вот тогда ты вспомнишь про меня! Тогда ты непременно вспомнишь про меня! И ты скажешь этим людям – это мой папа сделал из меня то, что я есть! Мой папа из маленького города Тульчина! Он был пьяница и жулик, мой папа, но он хотел, чтобы кровь его, чтобы сын его – узнал, с чем кушают счастье! Сегодня они устроили ревизию! Ха, чудаки!.. Нате – ищите!..

Загудел поезд.

А тебя я сделаю человеком... Понял? Чего бы это ни стоило, но я тебя заставлю быть человеком!..

Гудит поезд.

Вот этого я слышать не могу – поезда, поезда... Уезжают, приезжают... Не могу этого слышать!

Гудит поезд.

Да что он, взбесился, что ли? (*Шварц встает. В руках у него керосиновая лампа. Он стоит на середине комнаты, маленький, страшный, взъерошенный, покачиваясь и угрожающе глядя в окно.*)

Гудит поезд.

Давид. Папа!

Гудит поезд.

Шварц (в окно, смеиным, тонким голосом). Замолчи!.. Замолчи!.. Немедленно замолчи!..

Равнодушино кричит женщина: «Сереньку-у-у!» Гудит поезд.

Занавес.

Действие второе

Юность. Москва.

Май тысяча девятьсот тридцать седьмого года. Строительные леса на улице Горького. Открытые бежевые «линкольны» возят по городу иностранных туристов. Туристы вежливо улыбаются, вежливо восхищаются, вежливо задают двусмысленные

вопросы и с некоторой опаской поглядывают на бойких девушек-переводчиц.

По вечерам не протолкаться на танцевальных площадках, в цветочных киосках продают нарасхват ландыши и сирень, а на площади Пушкина, у фотовитрин «Известий», с утра и до ночи взволнованно и безмолвно толпится народ, разглядывая фотографии далекой Испании, где фашистам все еще не удалось отрезать от Мадрида Университетский городок.

В том год мы окончательно стали москвичами. Еще совсем недавно робкие провинциалы, мы впервые разинув рты бродили по набережным, почтительно следовали правилам уличного движения и писали длинные, восторженные и подробные письма домой. Потом письма стали короче. Всего несколько слов: о том, что мы здоровы, об институтских отметках и о том, что нам опять нужны деньги. Мы научились торопиться. Мы были одержимы, влюблены, восторженны и упрямые. Нам исполнилось девятнадцать лет.

Вечер. Комната в общежитии студентов Московской консерватории. Две кровати, два стула, две тумбочки и большой стол, у которого табурет заменяет отломанную ножку. На стене – пыльная маска Бетховена.

Давид, в тапочках, в теплой байковой куртке, с завязанным горлом, расхаживает по комнате. Он играет на скрипке, зажав в зубах докуренную до мундштука папиросу. Таня – тоненькая, ясноглазая – караулит у электрической плитки закипающее молоко.

Давид. ...Раз и, два и, три, и!.. Раз и, два и, три, и! (Со злостью опускает скрипку). Нет, ни черта не выходит сегодня.

Таня. Что такое?

Давид (оттопырив губы). Ты знаешь – иногда я слышу все. Даже то, что никто не слышит. Ну, например – слышу, как плывут облака, как ты улыбаешься, как Славка думает... А иногда – вот как сегодня – наступает вдруг какая-то полнейшая и совершеннейшая глухота... Который час, между прочим?

Таня. Половина девятого. Тебе температуру мерить пора.

Давид. А ты уходишь?

Таня. Я вернусь.

Давид. Это ужасно! Мы не виделись целую вечность – то у меня зачеты, то у тебя зачеты...

Таня. Я вернусь. Получу новое платье и вернусь! (Заломила руки.) Ах, я буду очень красивая в новом платье!

Давид (ворчливо). Ты и так очень красивая. Даже, я бы сказал, чересчур! Ладно, давай градусник. (Прячет скрипку в футляр, садится на кровать.)

Таня, выключив плитку, снимает молоко.

Таня. Надо же ухитриться – заболеть ангиной в мае месяце.

Давид (засовывает градусник под мышку). А я, как известно, человек необыкновенный.

Таня. Хвастун.

Давид. Э-э, старо! Хвастун, хвастун – а почему я хвастун? Я персональную стипендию получаю? Получаю! В «Комсомолке» про меня писали? Писали! Замуж ты за меня выйдешь? Выйдешь! Почему же я хвастун?..

В комнату, без стука, входит очень худая и высокая, остриженная по-мужски и с мужскими ухватками, длинноногая и длиннорукая девица. Это – Людмила Шутова из Литинститута.

Людмила. Привет!

Давид. Слушай, Людмила, ты почему не стучишь?

Людмила. Я потом постучу. На обратном пути. Шварц, ну-ка давай быстро – в каком году был второй съезд партии?

Давид. В девяностот третьем.

Людмила. Так. Нормально. А где?

Давид. Сначала в Брюсселе, а потом в Лондоне.

Людмила. Так. А закурить нету?

Давид. Нет.

Людмила. И Славка Лебедев отсутствует! Судьба! Хотите, стихи прочту новые? Гениальные!

Давид. Твои?

Людмила. Мои, конечно.

Давид. Не надо. Будь здорова.

Людмила Шутова подходит к столу, берет стакан с молоком, отпивает глоток, неодобрительно морщится и ставит стакан обратно.

Людмила. Теплое!

Таня (возмущилась). Послушайте!

Людмила (не обращая на Таню ни малейшего внимания).

Мы пьем молоко и пьем вино,
И мы с тобою не ждем беды,
И мы не знаем, что нам суждено
Просить, как счастья, глоток воды!

Людмила раскланивается и уходит – не забывая в коридоре постучать в дверь.

Давид. Психическая! (*Вытащил градусник.*) Тридцать семь и семь.

Таня. Ого! Ну-ка, ложись немедленно!

Давид. Ложусь. А ты не уходи. (*Скинув тапочки, ложится поверх одеяла.*)

Тишина. Тикает будильник. Далеко гудит поезд.

Таня (тихо). Поезд гудит... Вот и лето скоро! Кажется, уж на что большой город Москва, а поезда, совсем как в Тульчине, гудят рядом... Помнишь?

Давид (с неожиданной злостью). Нет. Не помню. И не хочу помнить. И я тебе уже говорил – для меня все началось два года назад, на площади – у Киевского вокзала! Вот – слез с поезда, вышел на площадь у Киевского вокзала, спросил у милиционера, как проехать в Трифоновский студенческий городок – и с этого дня себя помню... Хана злится, что я к ним в гости не прихожу, а я не могу!

Таня. Почему?

Давид. Не могу! Местечковые радости! Хана, Ханина мама, Ханин папа. Детям дадут по рюмке вишневки, а потом начнут поить чаем с домашними коржиками... Смертельная тоска, не могу!

Таня. И ты ни разу не был у них?

Давид. Ни разу. (*Усмехнулся.*) Смешно! Сколько лет я мечтал побывать на улице Матросская тишина...

Таня. Поправишься – поедем.

Давид. Нет. Зачем? Это ведь самая обыкновенная улица. Я когда-то придумал, что это кладбище кораблей, где стоят шхуны и парусники, а в маленьких домиках на берегу живут старые моряки... А там, на самом деле, живут Ханины родственники! Нет, не надо ездить на

Матросскую тишину!

Молчание. Гудит поезд.

Таня. А зимою поездов почти не слышно, ты заметил? И осенью, когда дожди... А летом и особенно весною, по вечерам, они так гудят... Почему это?

Давид. Не знаю.

Таня. А хочется уехать, верно?

Давид. Куда?

Таня. Куда-нибудь. Просто – сесть в поезд и уехать. Чтобы – чай в стаканах с большими серебряными подстаканниками и сухарями в пакетиках... А на остановке – яблоки, помидоры, огурцы... И бежать по платформе в тапочках на босу ногу... А утро раннее-раннее, и холодно чуть-чуть... Будет так?

Давид. Будет. Непременно.

Таня. Я стала очень жадная, Додька! Хочу, чтобы все исполнилось. Все, что придумала. Самая малая малость. Ничего не желаю уступать. Вот кончим, и тогда...

Быстро входит сосед Давида – Слава Лебедев. Он коренастый, косолапый, у него открытое мальчишеское лицо и большие, солидные роговые очки.

Лебедев. Добрый вечер.

Таня. Добрый вечер, Славочка.

Лебедев. Тебе письмо, Давид. (*Через стол перебросил Давиду письмо. Сел на свою кровать, закрыл руками лицо.*)

Таня. Что с вами?

Лебедев. Голова болит.

Таня. И вы захворали?! Честное слово, прямо не общежитие, а лазарет!

Давид. Слава, а что в газетах?

Лебедев. Все то же. Продолжаются бои на подступах к Мадриду.

Давид вскрыл конверт, быстро пробежал глазами письмо.

Таня. Откуда?

Давид. Из Тульчина. Целый месяц шло. (*Встал, со злостью разорвал письмо, бросил в пепельницу.*)

Таня. Что такое?

Давид. А какого черта он денег не шлет?!

Таня. Кто?

Давид, не отвечая, грустно примостился на подоконнике.

Таня. В общем, я ухожу... Через час вернусь. Хотите, Славочка, я пирамидона вам принесу?

Лебедев. Спасибо, у меня есть. Большое спасибо.

Таня (*наклонилась к Лебедеву*). Славочка, вы очень хороший человек! Правда, правда! И вот что – можно, я вам буду говорить «ты»? (*Засмеялась.*) Мальчики, сидите и ждите – я скоро вернусь, и мы что-нибудь вместе придумаем! (*Снова засмеялась, перекружилась на каблуках и исчезла.*)

Долгое молчание.

Лебедев. Никто не спрашивал меня?

Давид. Нет, никто.

Лебедев. Голова смертельно болит... А Таня откуда знает? Ты ей сказал?

Давид. Да.

Лебедев. Ну, правильно. Я ведь и не скрываю... Черт, голова как болит! Весь день прошатался по городу! Все думал!

Давид. О чём?

Лебедев. Об отце. Ты пойми, ведь я не просто любил его. Я им всегда гордился. И всегда помнил о нем. Даже на зачете, когда Чайковского играл, — помнил о нем. О том, что это он научил меня говорить, читать, запускать змея, переплыть Волгу...

Давид (вспыхнув). Перестань!

Лебедев. Что ты?

Давид (помолчав). Ничего. Извини.

Лебедев. А теперь мне говорят — он враг... Должен я в это верить или не должен?

Давид. Должен.

Лебедев. Почему?

Давид. Потому, что ты комсомолец...

Лебедев (резко). А я не комсомолец!

Давид (опешил). Что-о?

Лебедев. Меня исключили сегодня. И со стипендии сняли. Вот, брат, какие дела!

Давид (недоверчиво). Врешь! (*Поглядел на Лебедева, сжал кулаки.*) Ну, это уж слишком! Это ерунда, Славка!

Лебедев (взорвался). Да? А что не слишком? На каких весах это меряют, что слишком, а что не слишком?! (*Поморщился.*) Черт, как болит голова! А в общем, Додька, тяжело! Очень тяжело. Из консерватории придется, конечно, уйти.

Давид. Ты шутишь?

Лебедев (усмехнулся). Разве похоже? Нет, не шучу. У меня в Кинешме мать, сестренка маленькая — мне помогать им теперь надо... Уйду в какое-нибудь кино...

Давид. В какое кино?

Лебедев. Ну, в оркестр, который перед сеансами играет... Что я «Кукарачу», что ли, сыграть не смогу?!

В дверь стучат.

Давид. Кто там?

Входит, прихрамывая, высокий русоголовый человек в гимнастерке и сапогах. Это секретарь партийного бюро консерватории — Иван Кузьмин Чернышев. Ему сорок лет, не больше, но и Давиду и Славе Лебедеву он, разумеется, кажется стариком. У него широкое рябое лицо, добрые близорукие глаза. В руке у Чернышева полевая сумка, чем-то туго набитая, повидавшая виды.

Чернышев. Добрый вечер, друзья! К вам можно?

Давид (удивленно и радостно). Иван Кузьмич? Здравствуйте. Конечно можно. Милости просим.

Лебедев (коротко). Здравствуйте.

Чернышев неторопливо придвигает стул к постели Давида, вытирает платком лицо.

Чернышев. Жарко. Как здоровье, Давид?

Давид. Температура.

Чернышев (покачал головой). Беда-а! (*Улыбнулся.*) Поправляйся скорей, дела есть.

Давид (внимательно поглядел на Чернышева, прищурил глаза). Иван Кузьмич, это очень хорошо, что вы пришли! Очень хорошо. Я сейчас... Мне сейчас сказал Лебедев...

Лебедев. Давид, перестань!

Отворяется дверь, и снова появляется Людмила Шутова.

Людмила. Шварц!

Давид (резко). Людмила, к нам сейчас нельзя!

Людмила. Ничего, ничего! Мне можно! Шварц, а какой основной вопрос стоял на втором съезде?

Давид. До чего же ты мне надоела! Программа партии.

Людмила. Так, нормально. А закурить нет. Славка?

Лебедев. Нет.

Чернышев (с улыбкой). И я не курю.

Людмила. Жалеете! Все у вас, ребята, есть – только совести у вас, ребята, нет...

Давид. Людмила, уходи!

Людмила. Между прочим, Славка, держи тридцать рублей. Я зимой у тебя брала. Не помнишь? Держи, держи и не спорь! (*Положила руку Лебедеву на плечо.*) И не горюй, Славка! Выше голову!

Мы еще побываем у полюса,
Об какой-нибудь айсберг уколемся,
И добраться, не красные ж девицы,
К мысу Доброй Надежды надеемся!
И, желанье предвидя заранее,
Порезвимся на мысе Желания!..

Давид. Людмила!

Людмила. Поэма не кончена, продолжение в следующем номере... Прощай, прощай и помни обо мне! (*Уходит.*)

Молчание.

Чернышев (засмеялся). Занятная гражданочка! Это кто же такая?

Давид. Шутова Людмила. Из Литинститута. Она – не то гениальная, не то ненормальная! Не поймешь!

Лебедев (с виноватой и смущенной улыбкой спрятал деньги в карман пиджака). Какой-то долг выдумала...

Молчание.

Давид (волнуясь). Вот, кстати, Иван Кузьмич, я начал говорить, а она перебила... Я хотел... Мне сейчас сказал Славка, что его исключили из комсомола и сняли со стипендии.

Чернышев (негромко). Ну, насчет комсомола – этот вопрос будет окончательно решать райком. А насчет стипендии – зайди в понедельник, Лебедев, в дирекцию, к Фалалею – он тебе даст приказ почитать.

Лебедев. А я уже читал, спасибо.

Чернышев. Ты утренний приказ читал. А это другой – вечерний.

Давид. О чём?

Чернышев. Об отмене утреннего! (*С невеселым смешком.*) Как говорится – круговорот азота в природе. Вы проходили в школе такую штуковину?

Давид. Видишь, Славка?

Лебедев (зачем-то снял очки, подышат на стекла. Встал). Вижу! До свидания!

Чернышев. Погоди! Ты смотрел новое кино «Депутат Балтики»?

Лебедев. Нет еще.

Чернышев. И я не смотрел. А говорят, стоит! Может, сбегаешь, если не лень, возьмешь билеты на девять тридцать.

Лебедев (растерялся). А кто пойдет?

Чернышев. А вот мы с тобой вдвоем и пойдем... Или моя компания тебя не устраивает?

Лебедев. Нет... Только я... Хорошо...

Чернышев. Возьми деньги.

Лебедев. Иван Кузьмич?!

Чернышев. Бери, не выдумывай! Я ж не девица, что тебе за меня платить. Беги, я тебя здесь обожду!..

Лебедев. Хорошо. (Быстро уходит.)

Чернышев снова усмехается, встал, потрогал рукой электрический чайник, включил штепсель, вытащил из полевой сумки завернутые в бумагу бутерброды с колбасой, положил на стол.

Чернышев. Очень хитрый был человек – Иван Кузьмич Чернышев. И поесть успею, и чаю напьюсь, и кино посмотрю, и с тобой пошепчуся... Разумеешь?

Давид. О чем, Иван Кузьмич?

Чернышев. О жизни, милый друг.

За окном по улице проходит отряд. Торжественно и грозно гремит марш:

Мы идем боевыми рядами,
Дело славы нас ждет впереди,
Знамя Ленина реет над нами,
Имя Ленина мы несем в груди...

Давид (тихо). Неужели все-таки возьмут Мадрид? Тогда это конец, Иван Кузьмич? Да?

Чернышев. Нет, не конец. Совсем не конец. Боюсь, только начало! (Разломил бутерброд, протянул половину Давиду.) Хочешь?

Давид. Нет, спасибо!

Чернышев. Дело хозяйствское! (С наслаждением принял за еду.) Так вот, Давид, ты насчет Всесоюзного конкурса скрипачей слыхал что-нибудь?

Давид (насторожился). Слыхал.

Чернышев. У нас по этому поводу в консерватории был нынче ученый совет. Составляли список – кого пошлем.

Давид. Ну?

Чернышев. До седьмого пота спорили. Каждому, конечно, хочется, чтобы его ученика послали, это вполне естественно. Ну а я, как тебе известно, не музыкант, я в подобные дела обычно не вмешиваюсь... Но как-то оно так сегодня вышло, что предложил я твою кандидатуру...

Давид (восторженно). Иван Кузьмич!

Чернышев. Погоди! Предложил, знаешь, и сам не рад. Такую на тебя критику навели, только держись! И молод еще, и кантилена рваная, и то, и другое...

Давид (упавшим голосом). Иван Кузьмич!

Чернышев (улыбнулся). Погоди огорчаться! Включили тебя. (Погрозил пальцем.) Но только смотри! Насчет кантилены – ты подзаймись! Ведь не зря люди говорят, что хромает она у тебя... Да я и сам вижу. Ты подумай об этом, Давид, подтянись!

Давид (с силой). Я как зверь буду заниматься! И сейчас, и летом, и осенью! (*После паузы.*) А еще кого наметили, Иван Кузьмин?

Чернышев. Всего пять человек.

Давид. И Славку Лебедева?

Чернышев (нахмурился). Нет.

Давид. Нет? Но, Иван Кузьмин, вы поймите, надо же разобраться – ведь ничего же, в сущности, не известно...

Чернышев (сухо). Разберутся...

Давид. Кто? Когда?

Чернышев (помолчав, сдержанно). Видишь ли, Давид, я семнадцать лет в партии. И я привык верить: все, что делала партия, все, что она делает, все, что она будет делать, – все это единственно разумно и единственно справедливо. И если когда-нибудь я усомнюсь в этом – то, наверно, пущу себе пулю в лоб! (*Снова помолчав.*) А у тебя есть отец?

Давид (сжался). Есть.

Чернышев. Чем занимается? Музыкант?

Давид. Да, музыкант... Вернее, не совсем музыкант, а он... (*Мучительно подбирая слова, он выпаливает неожиданно для самого себя.*) Он дирижер! Руководит оркестром в кино... Знаете – который перед сеансом играет! (*Деланно засмеялся.*) Ну, всякую там «Кукарачу»! Знаете?

Чернышев (кинулся). Слыхал!

Осторожный стук в дверь.

Давид. Да?.. Кто там?..

Входит худенькая смуглая девушки. Длинные черные косы уложены короной вокруг головы. Это – Хана Гуревич.

Хана. Можно?

Давид. Хана? (*Поморщился.*) Здравствуй... Ну, чего ты стала в дверях? Входи.

Хана. Здравствуй. Добрый вечер.

Чернышев. Добрый вечер.

Давид. Как ты нашла меня?

Хана (пожимая плечами). Нашла. Ты ведь к нам не приходишь, вот мне и пришлось самой тебя искать. Ты нездоров?

Давид. Ангина. Как встану, обязательно к вам приду... Через недельку, наверное...

Хана (улыбнулась). Что ж, приходи. Наши будут очень рады тебе.

Давид. А ты?

Хана. А я уеду уже.

Давид. Куда?

Хана. На Дальний Восток!

Давид. На каникулы?

Хана. Нет. Работать... Помнишь – было в газетах письмо Хетагуровой?

Давид. Помню.

Хана. Ну вот я и еду.

Чернышев. Молодчина какая! (*Протягивая руку.*) Здравствуйте! А мы с вами знакомы, Хана!

Хана (очень удивленно). Знакомы?

Чернышев. Да. И я даже был у вас дома – на Матросской тишине. Я с вашим папой, с Яковом Исаевичем, служил у Буденного, в Первой Конной!

Хана (радостно всплеснув руками). Ой, тогда и я вас знаю! Вы – Чернышев Иван Кузьмин. Верно?

Чернышев. Иван Кузьмин... Здравствуйте, Хана!

Хана. Здравствуйте, Иван Кузьмин!

Чернышев. А вы похожи, между прочим, с Давидом... Вы не родственники?

Хана. Нет. Мы просто из одного города. Земляки.

Давид (торопливо). Да, да, земляки!.. Слушай, а как тебя мамаша твоя отпустила – вот чего я понять не могу!

Хана (махнула рукой). Досталось мне! Сперва она плакала, потом шумела, теперь опять плачет... А я рада! Так рада, даже ною целыми днями от радости! Представляешь – сесть в поезд и уехать... Хорошо!

Давид. Когда едешь?

Хана. Скоро. На днях.

Давид. Чудеса.

Хана. И снова мы с тобою прощаемся, Додька. Не видимся годами, а как увидимся – так прощаемся.

Давид. Придется мне к вам на Дальний Восток с концертами ехать.

Хана (усмехнулась). Правда? Ты пришли телеграмму – я тебя встречу.

Давид. Забавно получается – ты от меня, а я за тобой.

Хана. Да, а я от тебя! (*Облокотилась на подоконник.*) А как Танька живет? Ты встречаешь ее?

Давид (уклончиво). Встречаю. Иногда. Она ничего живет – учится на юридическом, переходит на второй курс.

Хана (скрывая насмешку). Ты кланяйся ей... Если увидишь. (*Быстро взглянула на Давида и засмеялась.*) А что из дома пишут?

Давид (скривился). Да ну!.. Пишут.

Хана. Скучаешь?

Давид. Нет.

Хана. А я скучаю. Очень хочется поехать туда... Не жить, нет! Мне бы только пройтись по Рыбаковой балке, под акацией нашей посидеть, поглядеть, какие все стали...

В дверь стучат.

Чернышов. Стучат. Давид!

Давид. Разве?.. Ну, кто там – не заперто!

Отворяется дверь, и входит Абрам Ильич Шварц. Он в длинном черном пальто. В старомодной касторовой шляпе. В руках чемодан, картонки и пакеты. Он останавливается на пороге, взъяренно и чуть виновато улыбаясь.

Шварц. Здравствуйте, дети мои! Шолом-алейхем!

Давид (испуганно крикнул). Кто?!

Хана. Абрам Ильич!

Давид. Папа!..

Шварц. Здравствуй, Давид, здравствуй, мальчик! (*Роняя картонки и пакеты, подбежал к Давиду, обнял.*)

Молчание.

Давид (задыхаясь). Как ты?! Откуда ты?..

Шварц (тихо). Ты не знаешь, куда я мог деть носовой платок? Дай мне свой... Извините меня, это от радости!..

Молчание.

Шварц (Уселся на кровати рядом с Давидом. Вытер глаза носовым платком, высыпался, внимательно оглядел комнату). А ты прилично устроился. Вполне прилично... устроился. Вполне прилично... А почему ты лежишь? Ты болен?

Давид (все еще задыхаясь). Нет... Послушай... Зачем ты приехал? Каким образом?

Шварц. Сел на поезд и приехал. Теперь, слава богу, никто от меня права на жительство не требует... Погодите-ка, вы, девушка, вы не Хана Гуревич?

Хана. Да. С приездом, Абрам Ильич.

Шварц. Благодарю! Ай, смотрите, какой она стала красавицей! Что?.. Как папочка?

Хана. Ничего.

Шварц. А мамочка?

Хана. Все в порядке.

Шварц. Вот и хорошо! Между прочим, я думал остановиться у вас. Это можно?

Хана. Конечно. Пожалуйста.

Шварц. Ах, дети, дети! Вот я вас угощу! (*Шварц вытаскивает из кармана пакетик, осторожно высыпает содержимое на стол.*) Наш украинский чернослив. Кушайте, дети!

Давид. Зачем ты приехал?.. Ты надолго в Москву?

Шварц. На целый месяц. Я получил отпуск и премию... На, читай! (*Шварц торжественно помахал перед носом Давида какой-то бумажкой.*) Выписка из приказа... Читай, а то у меня очки в чемодане.

Давид (читает). За ударную работу и...

Молчание. Давид посмотрел на Чернышева, встретил удивленный и вопросительный взгляд, опустил голову.

Шварц. Ну?.. Ты неграмотный? Пусти, я наизусть помню. «За ударную работу и перевыполнение плана отгрузок в третьем-четвертом квартале премировать помощника начальника товарного склада Шварца Абрама Ильича...» Одним словом, стахановец! А ганцер – «Я тебе дам!» Премировали путевкой в санаторий, в Крым... Что?.. Хорошо?

Хана. Так вы проездом?

Шварц. Нет. Мне предложили на выбор – или путевку в санаторий или деньги. Я предпочел деньги. Для Крыма у меня нет белых штанов и купального халата. Мало шика и много лет!

Давид. Папа!

Хана засмеялась.

Шварц (весело). Она смеется! Ну-с, так я взял деньги и приехал в Москву. А на складе меня замещает Митя Жучков... Ты помнишь, Давид, моего Митю? Кладовщика? Того самого Митю, с которым мы когда-то занимались всякими комбинациями...

Давид (стиснув зубы). Папа!

Шварц. Что? Это же было давно, милый. Мы крутились и комбинировали, крутились и комбинировали, а потом я сказал – хватит!.. Кого мы обманываем? Самих себя! Нам дали всю землю, а мы хотим украсть серебряную ложку и сбежать, как дурак из сказки... Зачем нам не спать ночей? Зачем нам прятать глаза? Попробуем жить так, чтобы наши дети нас не стыдились! Очень интересный был разговор, можете мне поверить... Почему вы не кушаете чернослив? Кушайте все... Это для всех поставлено. Кушайте, товарищ, не знаю вашего имени-отчества.

Чернышев. Иван Кузьмич Чернышев.

Шварц (припоминая). Чернышев, Чернышев... Где я слышал эту фамилию? Вы не из Херсона?

Давид. Папа!

Чернышев. Нет.

Шварц. Впрочем, там был не Чернышев, а этот...

Давид (яростно). Папа!

Шварц. Ну, не важно... Вы приятель Давида?

Давид. Иван Кузьмич – секретарь партийного бюро консерватории.

Шварц. Вот как? (Вскочил, протянул Чернышеву руку.) Извините, будем знакомы!

Шварц, Абрам Ильич... Папа Давида.

Чернышев (улыбаясь). Об этом я уже догадался.

Шварц. Я очень рад познакомиться с вами, товарищ Чернышев. Очень рад. Что вы скажете про Давида? Как он учится?

Чернышев. Хорошо учится.

Шварц. Да? И его ценят? К нему подходящее отношение?

Давид. Папа, перестань!

Шварц. Почему? Почему я должен перестать? (Покачал головой.) Нет, друзья мои, когда всю жизнь ты думаешь только о том, чтобы твой сын вышел в люди, так ты имеешь право спросить: стоило тебе думать, и работать, и мучиться – или не стоило? Пришла, как говорится, пора – собирать пожитки и кончать ярмарку. И вот я хочу знать: с пустыми руками я уезжаю или нет? Понимаете?

Чернышев. Понимаю.

Шварц (взволнованно). Нет, товарищ Чернышев, извините, конечно, но вы этого никогда не поймете как следует! Чтобы такое понять, нужно родиться в Тульчине, на Рыбаковой балке. И как господа бога бояться околоточного надзирателя. Иходить на вокзал смотреть на дальние поезда. И прятаться от погрома. Нужно влюбиться в музыку за чужим окном и в женский смех за чужим окном. Нужно купить на базаре копилку, глиняную копилку, на которой фантазер вроде тебя написал красивую цифру – миллион! И положить в эту копилку рваный рубль! На эти деньги ты когда-нибудь будешь учить сына, если бог позволит тебе иметь детей!.. А-а! (Махнул рукой.) Можно, я поцелую тебя, Давид?

Давид (грубо). У меня насморк.

Хана. Давид!

Шварц. С насморком нельзя целовать девушек. Ханочку нельзя целовать с насморком, а папу можно. Ну, ничего, ничего... Кушайте чернослив. Я, наверно, очень много говорю. Но это просто потому, что я взволнован. Я почти три года не видел Давида... И я, стыдно признаться, в первый раз в жизни в Москве.

Чернышев. Нравится?

Шварц. Не знаю... Понятно – нравится... Но я еще ничего не видел. Прямо с вокзала – сюда. Завтра ты меня поведешь, Давид, в Третьяковскую галерею. А потом в Мавзолей Ленина. А потом в Парк культуры... У меня записана вся программа! Да, а в Большой театр трудно попасть?

Хана. Трудно.

Шварц. А что если мы попросим товарища Чернышева? Вы не сумеете нам помочь, товарищ Чернышев?

Чернышев. Постараюсь.

Шварц. Большое спасибо! (Внезапно нахмурился.) И потом, у меня есть еще одно дело... Вы понимаете, дети мои, посадили Мейера Вольфа!

Хана. Дядю Мейера? За что?

Шварц. Деточка моя, кто это может знать? «За что?» – это самый бессмысленный в жизни вопрос! (Обернулся.) Понимаете, товарищ Чернышев, этот Вольф – одинокий, большой человек... Ну, и мы собирались – несколько его друзей – и написали письмо на имя заместителя народного комиссара товарища Белогуба Петра Александровича... Так вот, вы не знаете – куда мне отнести это письмо?

Чернышев (сухо). Не знаю. Пройдите на площадь Дзержинского – там вам скажут.

Шварц (записал в книжечку). На площадь имени товарища Дзержинского? Так,

спасибо! (Усмехнулся.) Вам не кажется, что было бы лучше, если бы площадь называлась именем товарища Белогуба, а наше письмо прочел бы товарищ Дзержинский?!

Давид. Папа!

Вбегает Слава Лебедев.

Лебедев (в дверях). Иван Кузьмич!.. (*Шварцу.*) Здравствуйте!

Шварц (радушно). Здравствуйте, милости просим.

Лебедев. Иван Кузьмич, я достал... Только надо быстрей – там уже в зал пускать начинают!

Чернышев. Побежали. (*Встал, застегнул полевую сумку.*)

Шварц. Вы уходите? Посидите, товарищ Чернышев, а?

Чернышев. Извините, Абрам Ильич, мы в кино... Всего вам хорошего! До свидания...

Шварц. До свидания. Вы не забудете – насчет Большого театра?

Чернышев. Нет, нет, не забуду.

Шварц. Давид вам напомнит.

Давид (умоляющими глазами смотрит на Чернышева). Иван Кузьмич! Вы не думайте... Вы... Я вам потом объясню...

Чернышев. Ладно, ладно. Поправляйся скорее. Бежим, Слава! Кланяйтесь вашим родным. Хана, я к ним заеду на днях.

Хана. Спасибо. До свидания!

Чернышев. Счастливый путь!

Чернышев и Лебедев быстро уходят. Молчание. *Шварц внимательно посмотрел на Давида, осторожно прикоснулся к его руке.*

Шварц. Чем ты расстроен, милый, ты мне можешь сказать?

Давид (угрюмо). Ничем... Ничем не расстроен.

Шварц. Я как-нибудь не так выразился? Или у тебя неприятности с этим Чернышевым?

Давид. Нет.

Шварц. А почему ты все время молчишь?

Давид (со злостью). А что я должен делать, по-твоему? Петь? Плясать? Мало тебе того, что...

Шварц (не дождавшись продолжения). Чего?

Давид. Ничего! Ничего – и оставь меня в покое! Ничего!

Шварц еще раз внимательно посмотрел на Давида. Неожиданно легко и поспешно встал. Зачем-то надел шляпу.

Шварц (почти торжественно). Давид, я знаю, почему ты расстроен! Ты недоволен тем, что я приехал! Да?

Давид (уткнулся лицом в подушку). Что ты наделал! Если бы ты только мог понять, что ты наделал?! Все теперь кончено. Все! Все!

Хана (возмущенно). Давид!

Шварц (строго). Подождите, Ханочка! (*Помолчав.*) Ничего такого страшного не произошло, глупый! Все можно поправить. Всякое горе можно поправить. Поезда ходят не только сюда – обратно они тоже ходят... Ты хочешь, чтобы я уехал домой, да?

Давид (с отчаянием). Да!

Хана. Давид!

Шварц. Хорошо, милый. А когда? Скоро? Завтра?

Давид молчит. Шварц странными кругами заколесил по комнате. И одной руке у него чемодан, в другой – пакетик с черносливом.

Хана. Немедленно извинись!

Давид молчит.

Шварц (бормочет). Я должен был это предвидеть. Я обязан был это предвидеть. У мальчика хорошие дела. Его навещают большие люди. И вдруг является старое чучело из Тульчина и говорит: здравствуйте, я ваш папа, кушайте чернослив... Идиот! Мне просто очень хотелось, Додик, посмотреть – как ты живешь и какой ты стал... И послушать, что о тебе говорят... И погордиться тобой... Мне хотелось сидеть в зале, когда ты играешь, и чтобы все показывали на меня пальцами и шептали – это папа Давида Шварца! Кому это важно – чей я папа?.. Не сердись на меня, милый, я завтра уеду, обещаю тебе... Ну, так я не увижу Третьяковскую галерею... Вот – я оставляю, что привез...

Давид. Не надо!

Шварц. Обязательно надо. Ты, наверное, удивлялся, почему я не присылаю тебе денег? А я хотел их сам привезти... Вот – я положил. Тут хватит надолго! (*Потер пальцами лоб – взглянул на Хану.*) Так мне можно пойти к вам, Ханочка?

Хана. Да. Непременно.

Шварц. Хорошо. На одну ночь придется вам потесниться! (*Помолчал.*) Ну, пойдем.

Хана. Уже сейчас?

Шварц. Да. Я почему-то вдруг устал. И, вероятно, Давиду нужно заниматься? Пойдемте, Ханочка... Будь здоров, милый. (*Обнял Давида.*)

Долгая пауза.

Давид (бессвязно). Я не хотел обидеть тебя!.. Я не хотел. Честное слово, я не хотел обидеть тебя!..

Шварц (ласково). Ну, конечно, конечно. Что я, не понимаю? Конечно, не хотел. Будь счастлив, родной. Я уеду завтра... В крайнем случае, послезавтра... Как достану билет. Ханочка тебе позвонит... Тут есть телефон?

Давид. Есть.

Шварц. Ханочка позвонит. И если ты сможешь, ты приедешь меня проводить. Правда?

Давид. Да.

Шварц. Если сможешь.

Давид. Папа!.. Пана!..

Шварц. Ну?! Ты прав, Додик, – зачем же ты плачешь?

Давид. Папа!

Шварц. Идемте, Хана!

Шварц и Хана медленно идут к дверям, Абрам Ильич обернулся.

Шварц. Да, скажи товарищу Чернышеву, чтобы он не трудился напрасно. Скажи, что я не сумею пойти в Большой театр. Скажи, что мне расхотелось! (*Помедлив.*) Ну, бог с тобой, Давид!

Шварц и Хана уходят. Давид один. Он рванулся было вслед за ушедшими, но у самой двери остановился, постоял, вернулся назад и сел. Он сидит молча, неподвижно, опустив голову. Тикает будильник. Бегом возвращается Хана.

Давид (испуганно). Что? Плохо ему?

Хана. Я косынку забыла.

Давид. Вот она. Возьми.

Хана. Ты отвратительно поступил... Мерзко...

Давид. Я знаю.

Хана. Он чудесный старик, твой отец.

Давид. Я знаю.

Хана. Все ты знаешь...

Закипел чайник.

Давид. Выключи, будь добра.

Хана вытащила шнур, бросила его на стол, остановилась перед Давидом.

Хана. Ничего ты не знаешь! Даже того, как сильно я тебя люблю, ты не знаешь! Такой простой вещи не знаешь!

Давид. Хана!

Хана. Что? Теперь можно сказать. Больше мы все равно с тобой не увидимся! (Печально улыбнулась.) Я так ждала, когда ты приедешь. Так ждала... А ты не зашел даже... Все некогда было... Три года было некогда! А я на это разозлиться не сумела. Узнавала о тебе... О тебе и о Таньке... На концерты ходила в консерваторию. Думала – встречу! А на первомайском вечере ты даже и заметить меня не захотел...

Давид. Ты была разве?

Хана. Была. В пятом ряду сидела. Громче всех тебе хлопала. Ты превосходно играл в тот вечер. Превосходно. Особенно Венявскою. Ты будешь знаменитым скрипачом, Додька, и очень счастливым человеком. Я так загадала! Прощай!

Давид (растерянно). Погоди, Хана!

Хана. Абрам Ильич ждет. Прощай! (Убегает.)

Давид снова один. Он бесцельно слоняется по комнате. Берет скрипку. Кладет ее обратно. Накрывает чайник подушкой. Входит Людмила Шутова.

Людмила. Шварц!

Давид обернулся и внезапно бросился с кулаками на Людмилу.

Давид. Уходи отсюда ко всем чертям!.. Убирайся... Убирайся отсюда.

Молчание.

Людмила (тихо). Зачем же ты лезешь на меня с кулаками, свинья! Я папиросы тебе принесла, а ты... На – кури, свинья! (Бросила на кровать Давида пачку папирос и вышла.)

Тишина. Сумерки. Зажглись огни в доме напротив. Давид садится на подоконник. Хрипит и захлебывается уличный радиорепродуктор: «...В танковом сражении под Уэской войсками республиканцев... Сегодня – массированный налет фашистской авиации на Мадрид...»

Бесшумно отворяется дверь, и входит Таня. Она в новом нарядном платье, радостная и возбужденная.

Таня. Вот и я! Ну гляди, я нравлюсь тебе в новом платье?

Давид. Не вижу, темно.

Таня. А ты зажги свет.

Давид. Не хочу.

Таня. Что с тобой?

Давид. Ничего.

Таня. Со Славкой поругались?

Давид. Нет.

Таня (после паузы). Что случилось? Может быть, я напрасно пришла?

Давид. Пожалуй.

Таня. Ах, так?! (Постояла еще секунду, словно соображая, а затем решительно повернулась и пошла к дверям.)

Давид. Танька!

Таня (звонко). Ты грубый, невоспитанный, наглый, самовлюбленный, нахальный...

Давид (насмешливо). Ну а еще?

Таня. И не приходи больше ко мне, и не звони, и... Все! (Уходит, оглушительно хлопнув дверью.)

Молчание. Давид перегнулся через подоконник, высунулся на улицу, крикнул:

Давид. Танька-а-а!

Тишина. Только по-прежнему хрипит и захлебывается репродуктор: «...Боец интернациональной бригады, батальона имени Эрнста Тельмана заявил...» Давид встал, прошелся по комнате, взял скрипку.

Давид. Ну и хорошо... Очень хорошо! И пожалуйста! (Подняв скрипку, зашагал по комнате. Играет бесконечные периоды упражнений Ауэра, зажав в зубах незажженнюю папиросу.) Раз и, два и, три и!.. Раз и, два и, три и!..

Загудел поезд, Давид играет все громче и ожесточеннее.

Раз и, два и, три и!.. Раз и, два и, три, и!.. Раз и, два и, три и!..

Гудит поезд.

Занавес

Действие третье

Война.

Октябрь тысяча девятьсот сорок четвертого года. Советская Армия движется с боями на запад. В сумерки над осажденными городами стоит невысокое зарево пожаров. Медленно падают черные хлопья пепла, похожие на белые хлопья снега. Ветер гудит рваным листовым железом. Ахают дальнобойные. И немногие уцелевшие жители, забившись в погреба и подвалы, устало и нетерпеливо ждут. Жизнь и смерть начинаются одинаково – ударом приклада в дверь.

В тот год мы возвращались в родные города, шагали по странно незнакомым улицам, терли кулаком слипающиеся глаза и внезапно в невысоком холме с лебедой и крапивой узнавали сказочную гору нашего детства, вспоминали первую пятилетку, шарманку на соседнем дворе, неподвижного голубя в синем небе и равнодушный женский голос, зовущий Сереньку.

Мы научились вспоминать. Мы стали взрослыми.

Санитарный поезд. Так называемый «кригеровский» вагон для тяжелораненых. По обе

стороны вагона двойной ряд подвесных коеок с узким проходом посередине. Верхний свет не горит, и в предутренних сумерках видны только первые от тамбура четыре койки – верхняя и нижняя, верхняя и нижняя. И на одной из этих коеок, запрокинув голову на взбитую высоко подушку, сжав запекшиеся губы и закрыв глаза, лежит старший лейтенант Давид Шварц.

Беспокойно и смутно спят раненые – мечутся, бредят, скрипят зубами, плачут и разговаривают во сне. Кто-то выкрикивает – отрывисто и невнятно: «Первое орудие – к бою! Второе орудие – к бою! По фашистским гадам прямой наводкой – огонь!» Но никто не торопится выполнять приказания, не гремят орудия, не взлетает в небо вопящая взорванная земля – мирно гудят поезд, постукивают колеса, и лишь по временам за дребезжащими окнами вагона, как напоминание об огне, пролетают быстрые, мгновенно гаснущие искры от паровоза.

Возле койки Давида на низком табурете, положив на колени длинные усталые руки с пожелтевшими от йода пальцами, в белом халате и затейливой белой косынке медицинской сестры сидит Людмила Шутова, молча и тревожно поглядывая на Давида.

Давид (с закрытыми глазами, ровным, тусклым голосом). Пить. Пить. Пить дайте. Пить.

Людмила. Ну нельзя же тебе пить... Нельзя, милый! Ну, хочешь, я смочу тебе губы... Хочешь, Давид?

Давид. Пить. Пить дайте. Пить.

На верхней койке, над головой Давида, заворачался старшина Одинцов – скучастый, с рыжеватой щетиной на небритых щеках, с веселыми от жара, возбужденно блестящими, очень синими глазами.

Одинцов (глядя в окно, хрипло, останавливаясь после каждого произнесенного слова). Сестрица! Ты не знаешь, проехали мы Куреж?

Людмила. Час назад.

Одинцов. Вот что! То-то я гляжу, – места знакомые. Скоро, значит, и Сосновка.

Давид. Пить. Пить дайте. Пить.

Одинцов. Переедем сперва мост через реку. Потом лесок будет. А за леском – перегон еще – и Сосновка... Водокачка, склады дорожные, садочек при станции. А в садочке том – рынок... Родина моя, между прочим!

Людмила. Много говоришь, Одинцов.

Одинцов (не то засмеялся, не то закашлялся). Как поезд подойдет, так бабы, девчонки, огольцы – прямо в окна полезут. Кто с чем. Кто, понимаешь, с яблоками, кто с яичками калеными, кто с варенцом...

Чей-то голос в темноте, коверкая слова, мечтательно проговорил: «А у нас, в Келасури, шашлык продают! Шампур в окно подадут – ешь!»

Напротив Одинцова – на верхней койке – через проход – поднимает голову «сын полка» – Женяка Жаворонков, мальчишка лет семнадцати, с красивым наглым лицом, с прищуренными глазами и темной родинкой над припухлой губой.

Женяка (с развязностью любимца публики). Душа любезный шашлычка захотел! Эй, кацо, не горюй, тебе завтра ногу рубанут – вот мы шашлычок из нее и готовим!

По вагону прокатился смешок.

– Ай, Женяка!

– Женяка скажет!..

Одинцов (быстро и тихо). Сколько я этих населенных пунктов в сорок первом

оставил, сколько я их обратно отвоевал – сосчитать даже немыслимо... Немыслимо сосчитать... А Сосновки моей не увижу!

Людмила. Это почему же?

Одинцов (спокойно). Не дожить мне, сестрица. Никак не дожить.

Людмила (сердитым шепотом). Ну что ты, Одинцов, глупости болтаешь?! (*Поспешно встала, взяла руку Одинцова, сосчитала пульс.*)

Одинцов. Тяжко.

Людмила. Говоришь много – оттого и тяжко. У тебя легкое осколком задето, тебе молчать надо... Неужели не ясно? (*Позвала.*) Ариша!

Из темноты, бесшумно ступая в мягких войлочных тапках, появляется санитарка – маленькая, круглицая, в белой косынке, надвинутой на самые брови.

Санитарка. Да, Людмила Васильевна?

Людмила. Кислородную подушку.

Санитарка исчезает и тут же появляется снова, с тугой кислородной подушкой в руках.

Санитарка. Вот, Людмила Васильевна.

Людмила (кинула). Я сделаю укол, а ты сбегай разыщи доктора Смородина.

Санитарка. Сюда попросить? Хорошо, Людмила Васильевна!

Санитарка убегает. Людмила приставила рас труб подушки к губам Одинцова, отвернула кран. Тонко зашипел кислород.

Одинцов. Не надо.

Людмила. Молчи, пожалуйста. (*Достала из стерилизатора шприц, разбила ампулу, наполнила шприц маслянистой жидкостью, сделала Одинцову укол.*)

Одинцов (деревенеющими губами). Не надо.

Людмила. Молчи. Сейчас тебе станет легче. Постарайся уснуть.

Одинцов откинулся на подушку. Тишина. Гудит поезд. Постукивают колеса.

Давид (внезапно открыл глаза). Людмила! Людмила, ты здесь?

Людмила. Здесь, милый. Здесь. Тебе что-нибудь нужно?

Давид. Да. Пить. Нет, нельзя пить! (*После паузы.*) Я шел по Тульчину, по Рыбаковой балке... Я хотел найти... Я непременно хотел найти... А потом... Я присел на лавочку под акацией, и тут что-то ударило сверху и... (*Скрипнул зубами.*) У-у-у-у...

Людмила. Додик!

Давид. Людмила, ты здесь?

Людмила. Здесь, милый.

Давид. Здесь. Все-таки это удивительно, что ты здесь. И Чернышев. Только на войне бывает такое! Правда?! Ну, рассказывай.

Людмила. Про что, Додик?

Давид. Про Таню. Про то, как ты с ней встретилась. И что она тебе сказала. И какой она была.

Людмила. Так ведь я уже рассказывала тебе об этом.

Давид. Расскажи еще. Пока со мной снова не началось. Только громче – а то я что-то совсем плохо слышу. И вижу плохо. Плохо вижу и совсем плохо слышу.

Людмила. Это контузия, Додик. Это пройдет.

Давид. Громче... Что?

Людмила (медленно, нараспев, как рассказывают сказку). Я говорю – это было в Москве, в сорок первом, шестнадцатого октября... Ровно три года назад... Рано утром меня разбудил Сережка Потапов – из ИФЛИ, ты его, наверное, не помнишь – и сказал, что немцы в Истре. Я включила радио – передавали почему-то объявления треста столовых и ресторанов. И музыку. И тогда я решила ехать в военкомат – проситься на фронт. Ты слышишь, Давид?

Давид. Слышу. Рассказывай. Что?

Людмила. Я говорю – на улицах было полным-полно народу. И одни куда-то спешили – с вещами, с чемоданами, с подушками, а другие молча стояли у репродукторов и ждали. Ждали, что им хоть что-нибудь скажут... И вдруг объявили: «Передаем мазурку Венявского в исполнении лауреата Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей Давида Шварца...» И тут я увидела Таню. Она стояла под репродуктором, в белом платье с красным букетиком астр. Очень нарядная. Очень красивая. И слушала, как ты играешь. Я подошла к ней, мы обнялись – это как-то само собой получилось, ведь мы знакомы толком не были – и стали вдвоем слушать, как ты играешь...

Давид. Это была запись... Что?

Людмила. Да, конечно, это была запись. Но доиграть тебе не пришлось. Началась воздушная тревога, и все побежали – в убежища, в щели, в парадные. А мы с Таней пошли по улице Горького, и я ее спросила – где ты? А она ответила: «Мой муж на фронте...»

Одинцов (бормочет в забытьи). Мост проедем, лесок проедем, а там и Сосновка... Водокачка, склады дорожные, садочек у станции... Бабы с девчонками яблоками торгуют, яичками калеными, варенцом... Мост проедем, лесок проедем...

Женька (раздраженно). А он свое, он свое! Прямо как заведенным!

Давид. Она так и сказала – мой муж? Ты хорошо это помнишь? Не Давид, а именно – муж?

Людмила. Муж.

Давид. Громче... Что?

Людмила. Она сказала – мой муж.

Давид (слабо улыбнулся). Милая моя! Ты знаешь, мы поженились в сороковом, в мае... Мне как раз комнату дали. На Ленинградском шоссе. Там многие наши получили. И Чернышев, между прочим. Хорошая комната, двадцать метров. Мы из нее две сделали. А Танька хотела... Погоди, так ты говоришь, что она была очень красивая в тот день? И не было заметно?

Людмила. Что?

Давид. Нет, ничего... Значит, она была очень красивая?

Людмила. Очень.

Давид. Правильно. Она всегда очень красивая. Но в какие-то минуты она бывает такой красивой, что просто сердце заходится...

Возвращается санитарка.

Санитарка. Людмила Васильевна!

Людмила. Разбудила?

Санитарка. Он с товарищем Чернышевым в операционной. Сказал – кончит операцию и придет.

Женька (громко). Сестра! Эй, сестра!

Людмила (обернулась). Что ты кричишь, Женя? В чем дело?

Женька. Не «в чем дело», а койку мне надо поправить!

Людмила. Ариша, поправь.

Санитарка подходит к Жаворонкову, но Женька, со злым лицом, грубо отталкивает ее.

Женька. Уйди! У тебя руки кривые! Уйди ты к... Сестра!

Людмила (встала). Господи, наказанье! (*Подошла к Женьке.*) Что тебе? Ты же видишь – я возле тяжелых дежурю.

Женька (с внезапно истеричными слезами в голосе). А тут все тяжелые! Тут не с чирьями люди лежат! Вот погоди, я доложу начальнику, что ты со своим лейтенантом как не знаю с кем возишься! (*Передразнивает.*) Додик, Додик! И кислород ему, и понтапончик ему... А как другие у тебя понтапон попросят, так выкуси!

Людмила. Не дам я тебе понтапона.

Женька. А я знаю, что не дашь... Я ж не еврей!

Людмила. Что-что? (*Помолчав, брезгливо и тихо.*) Какая гадость!

Женька. Почему это – гадость? (*Со смешком.*) Правильно майор Зубков в полку у нас говорил. «Евреи, – говорил он, – они свое дело знают! Они и на гражданке, и на войне ближе всех к пирогу садятся...» Это точно!

Он обернулся, ожидая, как обычно, смеха и возгласов одобрения. Но вагон молчит. И только нижний Женькин сосед – ефрейтор Лапшин, немолодой человек с забинтованной головой – отложил в сторону письмо, которое он читал при слабом свете синего ночника, и с любопытством, снизу вверх, посмотрел на Женьку.

Лапшин. Точно, говоришь?! (*Покачал головой.*) Ах ты, Женька, Женька! Сколько тебе годков?

Женька. А это к делу не касается! (*Разозлился.*) Брось, Лапшин, понял?! Всякий ефрейтор будет меня учить! Не нарвись я на эту мину чертову, я бы и сам к ноябрю ефрейтором стал! Мне майор Зубков так и сказал...

Лапшин. Опять майор Зубков?

Женька (срывается на крик). Опять! Да, опять! Не нравится? Он мне вместо отца родного был, если желаешь знать! Он меня из горящего дома спас, он меня в полк записал, солдатом сделал, воевать научил...

Лапшин (сердито). Воевать он тебя, может, и научил. А думать не научил! Я вот вторую неделю с тобой еду, разговорчики твои слушаю – и просто диву даюсь! Ты же отправленный, Женька! Трупным ядом отправленный! (*Передразнивает.*) Солдат, солдат... Солдатом стать легко, человеком стать трудно! Ну скажи ты мне, товарищ дорогой, кто тебе в малолетнюю твою башку столько всякого вздора понабивал?! Женщины у тебя все – бабье, ППЖ... Кикнадзе – душа любезный, Каспарян – карапет и армяшка...

Женька (чуть струсила). Да это же я в шутку, чудак-человек! Подумаешь, делов – карапетом назвал?! Каспарян и не обижается... Верно, Каспарян? У нас в полку майор Зубков не такое откалывал, и...

С другого конца вагона спокойный голос отчетливо и внушиительно проговорил: «Он сукин сын, твой майор Зубков! Сукин сын и дурак!»

Женька (Он даже растерялся от ярости). Дурак?! Майор Зубков – дурак?! Это кто сказал?..

Спокойный голос. Это я сказал – подполковник Захаров... И довольно! Заткнись, Женька! Дай людям спать!..

Долгое молчание. Гудит поезд. Громыхают колеса.

Женька (тихо). Товарищ подполковник, вы не сердитесь! Ведь у меня ни отца, ни матери, товарищ подполковник!..

Молчание. Подавленный, Женька натягивает на себя одеяло и отворачивается к стенке. Лапшин улыбается, берет письмо. Людмила снова садится на табурет возле койки Давида.

Одинцов (все глуше и глуше). Мост проедем, лесок проедем... А там и Сосновка... Стойте, остановите!.. Остановите поезд – дайте сойти!..

Людмила. Что ты, Одинцов? До Сосновки еще далеко... Ехать и ехать!

Одинцов. Мятою пахнет! Ах, как мятою пахнет! (Чуть приподнимается.) Девчонки мои маленькие, парнишечки мои беленькие – здравия вам желаю!.. Ах ты, боже мой, до чего же мятой, мятой, мятоей отчаянно пахнет!..

Давид. Пить... Людмила!.. Людмила, ты здесь?

Людмила. Здесь, милый.

Давид. Людмила! Слушай, а про что он там все говорит? Там, наверху... Про что?

Людмила. Вспоминает. Родные места его проезжаем. Он и вспоминает.

Давид (усмехается). Матросская тишина... У каждого непременно есть своя Матросская тишина... И не бывает так, чтобы не было... Ни черта человек не стоит, если у него нет или не было... И сколько бы он ни прошел, сколько бы ни проехал – всегда у него есть такая заветная улочка – Матросская тишина, на которой он еще не успел побывать... А я ходил по Тульчину, по Рыбаковой балке... Людмила, ты здесь?

Людмила. Здесь, Додик.

Давид. Я ходил по Тульчину, по Рыбаковой балке, и хотел найти... Нет, не могу говорить!

Людмила. Как ты себя чувствуешь?

Давид. Не знаю. Очень пить хочется.

Людмила. Нельзя.

Давид. Глоток... А я помню – у тебя стихи были про глоток воды, верно? Прочти мне.

Людмила (помедлив).

Мы пьем молоко и пьем вино,
И мы с тобою не ждем беды,
И мы не знаем, что нам суждено
Просить, как счастья, глоток воды!

Давид. Вот как все сходится... А еще? Прочти еще что-нибудь. Мне, как ты читаешь, легче. Боль легче. И вообще мне с тобой спокойно. Ты спокойная. Быть бы тебе, Людка, врачом. Медиком. (После паузы.) Ну, прочти же мне что-нибудь!

Людмила (задумчиво и печально). Я позабыла все свои стихи.

Гудит поезд. Громыхают колеса. За дребезжащими окнами вагона все те же серые предрассветные сумерки.

Одинцов перестал бормотать и закашлялся. Он кашляет каким-то резким, лающим кашлем, сотрясаясь всем телом и разрывая черными пальцами рубашку на груди.

Санитарка (испуганно). Людмила Васильевна!

Людмила. Одинцов! (Растерянно оглянулась.) Ну что же они там так долго?! Вот что, Ариша, ты побудь здесь, а я сбегаю – потороплю.

Санитарка. Боюсь, Людмила Васильевна!

Людмила (прикрикнула). Глупости!

Давид. Людмила?.. Людмила, ты здесь?

Людмила. Сейчас, Додик. Сейчас я вернусь. Ариша, ты не уходи никуда. Слышишь? Ни на минутку.

Санитарка. Хорошо, Людмила Васильевна.

Людмила. Лейтенанту пить не давай. Губы смочи, если попросит. Сейчас я вернусь.
(Поспешно уходит.)

Одинцов кашляет, рвет на груди рубашку. Санитарка смотрит на него расширенными от ужаса глазами.

Санитарка. Миленький, потерпи!.. Потерпи!.. Сейчас!.. Миленький, потерпи!..

Одинцов захлебывается кашлем. Санитарка отворачивается, прижимается лбом к оконному стеклу.

Давид. Пить. Пить дайте!.. Людмила!

Голос. Что тебе нужно, Додик?

Дрожащее и зыбкое пятно света – не то из окна, не то откуда-то сверху – падает на табурет, стоящий возле койки Давида.

Давид. Кто это?.. Кто?.. Это ты, Людмила?

Голос. Нет, это я, Додик.

Давид. Папа?!

В зыбком пятне света возникает Абрам Ильич Шварц. Он сидит на табурете, наклонившись к Давиду, все в том же, лучшем своем черном костюме, в котором он когда-то приезжал в Москву. И все та же старомодная кастрюльная шляпа лежит у него на коленях. И все тот же серебристый пушок вокруг головы. Он стал совсем прозрачным и легким, этот пушок, и только там, с левой стороны, где прошла пуля, виден черный след запекшейся крови. К рукаву пиджака пришилена английской булавкой грязная повязка с желтой шестиконечной звездой и черной надписью «Юде».

Шварц. Здравствуй, дорогой мой! Шолом-алейхем!

Давид. Папа, ты?! Откуда ты?.. Почему ты здесь?.. Ты живой, папа?..

Шварц (спокойно и грустно). Нет, милый. Меня убили. Год тому назад. Я думал, что ты знаешь, милый, об этом.

Давид. Да, я знаю, но мне показалось... (Вскрикнул.) Но ведь я вижу тебя! Почему же я вижу тебя? Ты чудишься мне, да?

Шварц. Возможно, Додик! (Улыбнулся.) Человек не таракан, ему всегда что-нибудь чудится. Женщинам чудятся неприятности, мужчинам – удачи. (После паузы.) И даже мне в тот самый последний день, когда нас вели под конвоем на Вокзальную площадь, – мне чудилось, что я иду встречать твой поезд.

Давид (строго). Как это было, папа?

Шварц. Это было совсем просто, милый. В один прекрасный день по всему гетто развесили объявления, что нас отправляют на поселение в Польшу и что мы должны в воскресенье с вещами явиться на Вокзальную площадь...

Давид. И ты понял?

Шварц. Разумеется. Впрочем, среди нас нашлись и такие, которые поверили... На одного умного всегда найдется два с половиной дурака!..

Давид. А что было дальше?

Шварц. Ну, в воскресенье мы все собрались у выхода из нашего гетто, нас пересчитали, построили в колонну и новели! (Усмехнулся.) Это же все-таки Тульчин, а не Киев. В Киеве, говорят, для этого дела подавали автобусы... А нас повели... И мы шли – женщины, старики и дети... Был дождь и ветер... И мне помогали идти – этот каменщик из дома восемь, Наум Шехтель, и его жена Маша, сестра Филимонова... И вот мы шли, шли...

И лил дождь, и лаяли собаки, и плакали дети... А на улицах было пусто... Совсем пусто... Все попрятались по домам, и только, когда мы проходили, шевелились занавески на окнах... И этому как раз я был рад!

Давид. Почему?

Шварц (помолчав). Понимаешь ли, милый, — я родился в Тульчине. И жил в Тульчине. И умер в Тульчине. Я почти всех знал в нашем городе, и мне не хотелось, чтобы старые мои знакомые, увидев меня в тот день, отворачивались и прятали глаза... Ну, и нас привели на Вокзальную площадь. И снова пересчитали. Они очень аккуратные люди, эти эсэсовцы. Они пересчитали нас и приказали сдать вещи. А мне нечего было сдавать. Я ничего не взял. Только твою детскую скрипичку, твою половинку, на которой ты когда-то сыграл первое упражнение Ауэра. Только твою скрипичку и мой альбом с фотографиями... А с немцами был Филимонов... Оказалось, между прочим, что его фамилия Филимон... И даже фон-Филимон... Так, во всяком случае, он утверждал! И когда этот Филимон увидел у меня в руках скрипичку, он засмеялся и крикнул: «А ну-ка, пархатый черт, сыграй нам кадиш! Сыграй нам поминальную молитву, пархатый черт!»

Давид. Своловоч!

Шварц. А потом он заметил свою сестру Машу. И он сказал ей: «Зачем ты здесь?.. Ты же немка, дура, уходи!» Но она сказала: «Я русская» — и обняла своего Наума, и не ушла!.. Ах, Маша, Маша! Ты помнишь, какая она была красивая, Додик?! Я как-то спросил у нее: за что она любит своего рыжего Наума? А она засмеялась и ответила... Знаешь что? «Меня все называют Машей», — сказала она, — но никто, ни один человек на свете не умеет так говорить „Маша“, как это умеет мой Наум». Ах, Маша...

Давид (сквозь сжатые зубы). Дальше! Что было дальше?

Шварц. Мы стояли. Лил дождь. И где-то далеко гудел поезд. А немцы, очевидно, кого-то ждали. Какого-то начальника. И тогда этот Филимон снова крикнул: «Ну, сыграй же нам кадиш, пархатый черт!» И знаешь, Додик, я вдруг ужасно рассердился... И на этого Филимина, и на немцев, и даже на самого себя! Ну почему я стою в грязи, с опущенной головой, и почему у меня дрожат руки... Я поднял твою скрипичку, твою половинку, на которой ты учился играть упражнения Ауэра, и подбежал к господину Филимону, и ударил его этой скрипкой по морде, и даже успел крикнуть: «Когда вернутся наши, они повесят тебя, как бешеную собаку!»

Давид (яростно). А дальше? Что было дальше?

Шварц (после паузы). Это все. Для меня уже не было никакого «дальше». Дальше, милый, начинается твое «дальше».

Давид (сдержанно). Да, пожалуй.

Шварц. Что же было дальше, Давид?

Давид (приподнялся). Я расскажу тебе... Хорошо... Слушай, слушай, что было дальше! Мы взяли Тульчин после семи суток беспрерывных сумасшедших боев...

Шварц. Вы пришли?

Давид. Мы пришли, папа. Мы выбили фашистов к дьяволовой бабушке, куда-то за Чукаринские болота, и на восьмые сутки, под вечер, вошли в Тульчин!.. Знаешь, я как-то не задумывался прежде над тем, что значат слова «земля отцов»! Но когда наша головная машина остановилась на площади Декабристов и я услышал запах Тульчина, увидел землю Тульчина, небо Тульчина и в небе не самолеты, нет, и не следы трассирующих нуль — от края до края, — а сизого голубя, первого сизого голубя, которого выпустил в нашу честь мальчишка с Рыбаковой балки... И когда мой шофер обернулся ко мне и сказал: «Вот вы и на родине, товарищ старший лейтенант...»

Шварц (удивленно и радостно). Ты старший лейтенант, Додик?

Давид. Да, папа.

Шварц. О-о-о, милый, поздравляю! Старший лейтенант — это большой чин! (Усмехнулся.) Прости, я тебя перебил... Что же было дальше?

Давид. А на следующее утро мои ребята привели господина Филимина... Мы уже кое-

что слышали про его «подвиги». Он пытался скрыться, но мои ребята поймали его и привели в отдел...

Шварц. И ты его видел?

Давид. Видел.

Шварц. А он тебя видел?

Давид. Видел. Он только меня одного видел. Он смотрел на меня во все глаза. Ходил узнавать и не мог. Но я ему напомнил, кто я такой. Я сказал ему: «Да, да, это я – Давид Шварц, сын Абрама Ильича Шварца с Рыбаковой балки...»

Шварц. Додик! (*Помедлив.*) Ну а потом?

Давид (*со злой улыбкой*). А потом все было точно так, как ты ему напророчил!

Шварц (*тихо*). Вы его...

Давид (*кинулся*). Да. На Вокзальной площади. И в тот вечер, когда все уже было кончено, ко мне пришла его сестра – Маша.

Шварц. Она осталась жива?

Давид. Она осталась жива. Ее только ранило. Два дня и две ночи она пролежала там – с вами, во рву... А на третью ночь она выбралась и приползла домой... Ее прятали по очереди Митя Жучков и Танькины родные – Сычевы... И вот она пришла ко мне, и мы отправились с ней вдвоем за линию железной дороги, к разъезду...

Шварц (*мягко*). Не надо об этом, Додик!

Давид. Надо. (*Прищурил глаза*.) Мейер Вольф всю жизнь копил деньги, чтобы повидать Стену Плача. Я видел теперь ее, эту стену. Она находилась за линией железной дороги, на разъезде Тульчин-товарный. Это простая пожарная стена, кирпичный брандмауэр, щербатый от автоматных очередей. И к этой стене по вечерам приходит плакать русская женщина – сестра предателя, жена честного человека – красавица Маша Филимонова!

Шварц. Дальше? Что было дальше, Давид?

Давид. А потом, через день, меня контузило, пана. И ранило.

Шварц (*медленно, боясь услышать ответ*). Куда тебя ранило?

Давид. В плечо. И в живот. Прости меня! Много раз я был перед тобой виноват. Особенно в тот вечер, когда ты приехал в Москву...

Шварц. Я забыл об этом, Давид...

Давид (*крикнул*). Но я помню!

Шварц (*мягко, но настойчиво*). И ты тоже должен забыть! Мы оба виноваты. И я даже больше. Много больше. Потому что ведь это я когда-то заставил тебя поверить в то, что сначала – счастье, а уже потом – все остальное... Нет, Додик, нет! (*Покачал головой, улыбнулся*.) Знаешь, о ком я сейчас подумал? О моем внучке, о твоем маленьком сыне! Ах, как он будет гордиться тобой, Додик! И уж он-то обязательно скажет людям: «Это мой папа – Давид Шварц, старший лейтенант, участник Великой Отечественной войны, награжденный орденами и медалями...» И уж ему-то даже в голову не придет стыдиться тебя! И тебе тоже не нужно будет ни лгать, ни ловчить для того, чтобы твой маленький сын узнал, как выглядит счастье... Что? Разве не так?

Давид. Да, папа, да.

Шварц. Кстати... Меня давно мучает один вопрос... Как-то раз из моего альбома пропали три открытки... И я поверил тебе, когда ты сказал, что не брал их...

Давид. Я солгал тебе. Я их взял.

Шварц (*помолчав, строго*). Надеюсь, что больше этого никогда не повторится, Давид! (*Прислушался к чему-то, что слышно только ему одному, встал*.) Ну, мне пора!

Давид. Ты уходишь уже?

Шварц. Мне пора.

Давид. Как скоро! Но ведь мы еще увидимся, правда?

Шварц. Нет, милый. Больше мы уже не увидимся. Оттуда не ходят поезда, не приносят писем и телеграмм. Мы не увидимся больше. Может быть, я тебе приснюсь... Впрочем, я не люблю, когда люди вспоминают и рассказывают свои сны... Мало ли что кому может

присниться?! Прощай, мой родной!..

Давид. Папа!

Шварц. Прощай.

Давид. Папа, погоди... Папа!..

Но Абрама Ильича уже нет. Исчезает и дрожащее, зыбкое пятно света, падавшее на табурет. Гудит поезд. Стук колес становится громче. Это санитары выносят в тамбур носилки, покрытые белой простыней. Людмила дрожащими руками торопливо прибирает опустевшую койку Одинцова, разглаживает одеяло, взбивает подушку. Захлопывается дверь в тамбур. Тишина. За окнами вагона понемногу начинает светать. Людмила садится на табурет возле койки Давида.

Давид. Пана!.. Папа, я хотел тебе сказать...

Людмила. Что, Додик? Что ты?

Давид. Я хотел тебе сказать... Нет... Это ты, Люда?

Людмила. Да, милый.

Давид. Громче. Я ничего не слышу. Что?.. Как долго!.. Что?.. Это ты, Люда?

Людмила. Да. Все будет хорошо, милый.

Давид. Громче.

Людмила (тихо). Все будет хорошо... Я тебя выхожу! Я выхожу тебя, мой любимый, ненаглядный мой. Ты будешь слышать. Ты будешь видеть. Ты встретишься с Таней!.. (*Сжала руки.*) Ах, какая простая беда приключилась со мной – я люблю тебя, а ты любишь свою красивую Таню...

Давид. Громче.

Людмила (еще тише). А ведь я все придумала, милый. Я не видела Таню в тот день, шестнадцатого октября. Я даже не знаю где она была и что она делала. И это я одна стояла под репродуктором на площади Пушкина и слушала, как ты играешь мазурку Венявского. И ревела в три ручья, как самая последняя дура...

Сгорбив плечи и шмыгая носом, входит маленькая санитарка.

Санитарка. Людмила Васильевна!

Людмила. Отнесли, Ариша?

Санитарка. Отнесли, Людмила Васильевна. (*Еще раз шмыгает носом и отворачивается в сторону, к окну.*)

Давид. Люда!

Людмила. Что, милый?

Давид. Где мы сейчас едем, Люда?

Людмила. Подъезжаем к реке. Лодки качаются у причала. А на берегу стоит маленький домик. Совсем игрушечный. Поблескивают окна. Из трубы идет дым. Там, верно, живет бакенщик! (*Вздохнула.*) Если бы я могла, милый, – я остановила бы сейчас поезд, взяла бы тебя на руки, постучала бы в дверь этого домика... Многим, я думаю, многим, и не один раз, приходило это в голову! И еще никто и никогда не отважился почему-то на это! А ведь как, казалось бы, просто – остановить поезд, соскочить вдвоем со ступенек вагона...

Давид (неожиданно). Земля!.. Большая моя земля!..

Людмила. Что ты говоришь, Додик? О чем ты?

Долгое молчание. Снова громче и резче застучали колеса, замелькали за окнами чугунные стропила моста.

Санитарка (странным, сдавленным голосом). Мост, Людмила Васильевна!

Людмила. Ну и что?

Санитарка. Одинцов говорил – помните?

Гудит поезд. Мелькают за окнами вагона стропила моста. Поскрипывает и покачивается на ремнях пустая койка над головой Давида. Тревожный шепот прокатывается по вагону:

– Мост проезжаем!
– Старшина-то все увидеть хотел!
– Мост!..

– Мост!..

Людмила (прислушиваясь). Проехали.

Санитарка. А теперь лесок будет!..

Тишина. Стучат колеса. Молчание.

Людмила. Проехали лесок...

Санитарка (глядя в окно). Водокачка... Склады дорожные...

И весь вагон повторяет за нею:

– Водокачка!
– Склады дорожные!
– Водокачка!

Санитарка. Сосновка!

И едва только произносит она это слово, как в окна вагона врывается стремительный разнобой голосов:

– Яички каленые, яички!
– Варенец, варенец!
– Покупайте яблоки, братья и сестры! Давай налетай, полтора рубля штука, на десять рублей...

Но поезд, не останавливаясь, проносится мимо. Замирают вдалеке голоса. Поскрипывает и покачивается на ремнях пустая койка над головой Давида. Тишина. И вдруг кто-то закричал, задыхаясь и захлебываясь слезами:

– А-а-а!.. Не хочу, не хочу!.. А-а-а!..

Людмила (поспешило встала, прошла в конец вагона). Что с вами, Каспарян?!

Успокойтесь, успокойтесь, голубчик! Нельзя так! Ну,тише,тише,успокойтесь!..

Рванув дверь тамбура, в вагон быстро входит Иван Кузьмич Чернышев – в белом халате, туго обтягивающем квадратные плечи.

Чернышев. Людмила Васильевна! У вас радио включено?

Людмила. Нет, товарищ начальник... А что? Письма из дома?

Чернышев. Сообщение Информбюро. Сейчас должны повторить. Я был в третьем вагоне, там точка в неисправности – я не все рассышал! (*Положил руку Людмиле на плечо, тихо проговорил.*) Держитесь, дружок, на вас лица нет. Держитесь, прошу вас!

Людмила. Стараюсь! (Позвала.) Ариша! Включи радио!

Санитарка. Письма из дома?

Людмила. Сообщение Информбюро.

Санитарка. Ой, сейчас, Людмила Васильевна! (Включает репродуктор.)

Тишина. Стук метронома.

Чернышев. Как Давид?

Людмила. Плохо.

Чернышев (наклонился к Давиду). Здравствуй, братец. Здравствуй, Давид... Это я – Чернышев... Ты слышишь меня?

Молчание.

Людмила (тихо). Он не слышит. Он совсем, совсем ничего не слышит!..

Молчание. Обрывается стук метронома, слышен голос диктора:

«От Советского Информбюро. В последний час! Сегодня, шестнадцатого октября, наши войска, прорвав глубоко эшелонированную оборону противника, перешли границы Восточной Пруссии и овладели рядом крупных населенных пунктов, в том числе стратегически важными городами Гумбиннен и Гольдап... Наступление продолжается!..»

Гремит мари.

Чернышев (взмахнув рукой). Товарищи! Вот... Вот... Что мы сделали! (У него перехватило дыхание.) Я поздравляю вас!.. Вот... Вот что мы с вами сделали, дорогие мои!

Гремит мари. Постукивают колеса. Протяжно гудит поезд.

Занавес

Действие четвертое

Середина века. Москва. Май месяц.

Точнее – девятое мая 1955 года. Вот уже в десятый раз отмечаем мы День Победы – день славы и поминовения мертвых, день, когда вместе с гордостью за все то, что было сделано нами в годы Великой войны, возвращаются в наши дома старое горе и старая боль.

А май в тот год был теплым и солнечным. Толпы приезжих и москвичей неутомимо бродили по дорожкам Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, вновь открытой в Москве после многолетнего перерыва, уходили на целину комсомольские эшелоны – развевались знамена, гремели оркестры на привокзальных площадях, молодые голоса запевали старую песню – все ту же самую, что пели когда-то и мы, старшие, уезжая на Магнитку и в Комсомольск:

*Наши паровоз, вперед лети,
в коммуне остановка!..*

И все чаще и чаще в эту весну бывало так: люди встречались на улице, или в театре, или в метро и сначала, не обратив друг на друга внимания, равнодушно проходили мимо, а потом вдруг обворачивались, растерянно улыбались, и один, побледнев, но все не решаясь протянуть руку, бросался к другому и спрашивал, задохнувшись: «»Это ты?! Ты

вернулся?»

Москва живет вокзалами. И проводы в тот год были легкими и недолгими, а встречи начинались слезами.

Вечер. Над стадионом «Динамо» в светлом еще небе мирно, как шмель, гудит самолет.

Окна в комнате открыты настежь, и отчетливо слышно, как внизу, во дворе, галдят ребяташки, воинственно воят коты и раздается веселое, нахальное треньканье велосипедных звонков.

Между двумя книжными полками, на одной из которых в черном футляре лежит скрипка, висит портрет Давида. На портрете ему лет двадцать – хмурое лицо с напряженно сжатыми губами склонилось к скрипке, тонкие пальцы уверенно держат смычок.

В уголке дивана, скинув туфли и поджав под себя ноги, сидит Таня. Рядом, на стуле, – Чернышев.

Он выглядит необыкновенно торжественно и парадно, в белой рубашке с галстуком, над карманом пиджака – орденская колодка. На низком круглом столике – какая-то нехитрая снедь, бутылка коньяку и две рюмки.

Таня и Чернышев, надо полагать, уже выпили, и поговорили, и повспоминали, и теперь Чернышев, разомлев и расчувствовавшись, поет, а Таня плачет. Она не всхлипывает, не закрывает лицо руками, она даже улыбается, слушая Чернышева, но по лицу ее катятся частые крупные слезы, которые она время от времени с досадою смахивает кончиками пальцев.

Чернышев (покачивается на стуле, поет).

Гаснет в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Таня. Не «гаснет», а «бьется».

Чернышев. Что?

Таня. Не «гаснет в тесной печурке огонь», а «бьется в тесной печурке огонь».

Чернышев. Не имеет значения! (Потянулся к бутылке.) Давай еще?

Таня. С ума сошел? Я уже и так совсем пьяная.

Чернышев. Праздник же.

Таня. Хватит! (Вскочила, убрала бутылку и рюмки.) Людмила приедет, увидит – убьет меня.

Чернышев. А если не приедет?

Таня. Ну, не знаю. Она была на вызове, но я просила передать, что звонили из дома... В котором часу салют?

Чернышев. В десять... Татьяна, ну давай еще по маленькой.

Таня. Нет. Ты, милый мой, становишься к старости пьяницей!

Чернышев. Так ведь праздник... День Победы!

Таня (нараспев). Праздник, праздник, праздник! Из-за этого праздника я сегодня с утра реву... Чай будешь пить?

Чернышев. Не хочется! (Презрительно сморщился.) Чай!

Татьяна подходит к двери в соседнюю комнату, чуть приоткрывает ее.

Таня. Давид, хочешь чаю? (После паузы, не расслышав ответа.) Я спрашиваю – ты хочешь чаю?

Из соседней комнаты слышен голос: «Нет».

Таня (закрывает дверь). Как угодно!

Чернышев (усмехнулся). Очередной разрыв дипломатических отношений?

Таня. Холодная война.

Чернышев (понизив голос). Слушай-ка, у него все еще продолжается эта переписка?

Таня. Кажется! (Прошлась по комнате, остановилась у открытого окна, вздохнула.)

Ох, Ваня, если бы ты только знал, до чего мне все надоело! День за днем – консультация, суд, арбитраж. И все дела какие-то унылые... А тут еще теперь – выяснение отношений!

Чернышев. Он тебя просто ревнует.

Таня (хмыкнула). Было бы к кому! Ну, ничего! Скоро я, слава богу, уеду. Мне с конца месяца дают отпуск.

Чернышев. Куда поедешь?

Таня. Куда-нибудь к морю. Буду весь день ходить – до изнеможения, чтобы ничего не снислось, чтобы ни о чем не вспоминать и не думать... Скажи, Ваня, у тебя бывает так: привязывается один какой-нибудь сон и снится чуть не каждую ночь?

Чернышев. Я вообще сны вижу редко.

Таня. А мне, вот уже который раз, снится все одно и то же... Как будто мы с Давидом едем куда-то в поезде... И так все, знаешь, ясно – мы в купе вдвоем, большой чемодан с вещами заброшен наверх, в багажнике маленький чемодан и сумка с продуктами – в сетке... Гудит поезд, стучат колеса, звенят и подпрыгивают ложечки в стаканах... А потом – и это как-то сразу, вдруг – уже не поезд, а Большой зал консерватории... И не Давид, а я почему-то стою на эстраде и рассказываю про то, как все было...

Чернышев (хмуро). Что – было?

Таня (грустно улыбаясь). Ну, про то, как у нас, на Рыбаковой балке, во дворе росла старая акация... И под этой акацией по вечерам сидели две девчонки – беленькая и черненькая – и слушали, как сердитый мальчик с вечно расцарапанными коленками играл мазурку Венявского...

Чернышев (внимательно поглядел на Таню). Почему ты нервничаешь?

Таня (помолчав). Не знаю. Ты нервничаешь, и я стала нервничать... Ты только, пожалуйста, не делай такого невинного лица! Ты же не стал бы меня просто так, за здорово живешь, просить, чтобы я звонила Людмиле, у которой дежурство... Что-то случилось, да?

Чернышев (пожал плечами). Праздник...

Таня. Тьфу, заладил!

В коридоре раздаются быстрые шаги. Стремительно, без стука распахивается дверь, и в комнату почти вбегает Людмила – в белом халате, с докторским чемоданчиком в руке.

Людмила (еще с порога). В чем дело? (Взглянула на Таню и Чернышева, задохнулась.) Ну неужели вы не понимаете... Неужели вы не понимаете, что мне нельзя так звонить?! Что всякий раз, когда мне говорят – звонили из дома – у меня останавливается сердце?

Таня. Но я же просила передать, что все в порядке, что он здоров, сидит у нас...

Людмила. Мало ли что ты просила передать! (Плюхнулась на диван, с трудом перевела дыхание.) А я, пока ехала, представила себе, что он опять, как тогда... шел по улице и упал... И опять – уколы, кислород, бессонные ночи, страх... (Помолчав, тряхнула головой.) У меня дежурство, мне надо ехать, – в чем дело?

Чернышев (медленно). Дело, дорогие мои, в том, что...

Не договорив, Чернышев вытаскивает из бокового кармана партийный билет и, стряхнув предварительно крошки со скатерти, бережно кладет его перед собою на стол.

Людмила (вскрикнула). Ваня!
Чернышев. Вот, как говорится, таким путем.

Молчание.

Таня. Когда?

Чернышев. Вчера. Я вернулся, а ты уже уехала на дежурство.

Таня. И молчал! Слушай, но ведь не один же день...

Чернышев (вдруг почти весело засмеялся). Нет, не один день. Совсем не один день. Исключили меня двадцатого декабря пятьдесят второго... Больше двух лет! Вот и посчитай – сколько это получается дней? И я, между прочим, долго не мог понять – правильно ли я поступил.

Людмила всхлипнула.

Ну, Люда, Люда, Люда!.. Ну что вы, в самом деле – такой сегодня день, а вы обе ревете!

Людмила (вытерла кулаком глаза, протянула партийный билет Чернышеву). Спрячь! И учти – я еще ничего не знаю. Ты ничего не говорил... Я кончу дежурство, приеду – и тогда ты нам все расскажешь... Все и со всеми подробностями! (Взглянула на часы.) О боги! (Подошла к телефону, сняла трубку, набрала номер.) Это Чернышева. Ай, беда, а я-то надеялась! Ну, говорите... Так... фамилия?.. А-а, я ее знаю... Что с ней?.. У нее всегда болит! Ладно! (Повесила трубку.) Надо ехать!

Таня. Подбросишь меня до Белорусского? Я к машинистке – забрать работу. Забегу заодно в гастроном – куплю чего-нибудь к вечеру.

Людмила. Давай, только быстрей.

Таня, кивнув, начинает собираться. Людмила подсаживается к Чернышеву на ручку кресла, обнимает Чернышева за плечи.

Чернышев (тихо и ласково). Что?

Людмила. Знаешь, Ваня, у меня еще нет слов... Ничего нет – ни слов, ни радости... Это все, наверное, придет потом! А ты? Как ты себя чувствуешь?

Чернышев. Нормально.

Людмила. Ты оставайся здесь. Татьяна скоро вернется. Ты ведь скоро вернешься, Татьяна?

Таня. Скоро, скоро.

Людмила. Ну вот... Нитроглицерин у тебя при себе?

Чернышев. При себе, при себе.

Людмила и Чернышев, обнявшись, смотрят, как Татьяна собирается, надевает туфли, прихорашивается перед зеркалом.

Людмила (вздохнула). До чего же ты все-таки красивая, Танька!

Таня (не оборачиваясь). Была.

Людмила. Нет, ты и сейчас красивая. Иногда ты бываешь такая красивая, что просто сердце заходится!

Таня (резко обернулась). Откуда... Это ты не сама придумала!.. Кто тебе это сказал?

Людмила. Один человек, ты не знаешь! (С беспокойным смешком.) Ох, как я когда-то завидовала и восхищалась тобой. Я запомнила один вечер – в студгородке, на Трифоновке... Меня кто-то обидел, я сидела на подоконнике и хныкала, а ты шла по двору – нарядная, красивая, легкая, как будто с другой планеты. (Снова засмеялась, но теперь уже легко.) Я и представить себе не могла в тот вечер, что когда-нибудь выйду вот за него замуж, буду жить

с тобой в одном доме, брошу стихи, стану доктором...

Таня. А я, между прочим, до сих пор помню одни твои стихи.

Людмила. Какие?

Таня (медленно).

Мы пьем молоко и пьем вино,
И мы с тобою не ждем беды,
И мы не знаем, что нам суждено
Просить, как счастья, глоток воды!

Людмила (*странным дрогнувшим голосом*). Почему именно эти?

Таня. Потому что я не знала других! (*Вытащила из шкафа, из-под белья, деньги, отсчитала, сунула в сумочку.*) Ну, я готова!

Людмила (*встала*). Ваня, мы поехали! Дежурство у меня, будь оно неладно, до двенадцати, но, может, и отпрошусь! Ты действительно хорошо себя чувствуешь?

Чернышев. Честное слово!

Таня (*поглядела на дверь в соседнюю комнату, негромко*). Вот что... Если у тебя с ним – тут, без меня – возникнет какой-нибудь разговор... Ну, в общем, сам понимаешь!

Чернышев (*усмехнулся*). Соображу.

Таня. Едем! (*Бросила на себя взгляд в зеркало, поправила волосы.*) И никакая я не красивая, все сказки!

Таня и Людмила уходят. Чернышев один. Во дворе отчаянно кричат девчонки: «Раз, два, три, четыре, пять – я иду искать!..»

Далекий гудок паровоза. Чернышев включает висящий на стене радиорепродуктор. Марш. Это тот самый марш, который гремел в санитарном поезде, в «кригеровском» вагоне для тяжелораненых, на рассвете, когда диктор сообщил, что наши войска перешли границу Германии. В дверь стучат.

Чернышев. Кто там?

Входит высокий широкоплечий человек с очень обветренным загорелым лицом и крупной седой головой. Если бы не резкие морщины, не хромота и не стальные зубы, он был бы даже красив – внушительной и спокойной стариковской красотой. Это Мейер Вольф. Остановившись в дверях, он с интересом и волнением оглядывает комнату.

Вольф. Здравствуйте. Я звонил, но...

Чернышев. Звонок не работает.

Вольф. Возможно. Мне нужен Давид Шварц... Он дома?

Чернышев (*помедлив, громко зовет*). Давид!..

Отворяется дверь, ведущая в соседнюю комнату, и на пороге появляется Давид. Ему четырнадцать лет, у него светлые рыжеватые вихры, вздернутый нос и слегка оттопыренные уши.

Давид (*хмуро*). Ну что?

Чернышев. Во-первых, здравствуй.

Давид. А мы днем виделись.

Чернышев. А во-вторых... (*Вольфу*) Вот, пожалуйста – Давид Шварц!

Вольф. Так! (*Вгляделся, улыбнулся, кивнул головой.*) Да, это Давид Шварц! Ошибиться трудно! Глупые люди сказали бы, что все повторяется – род уходит, и род приходит... Но мы теперь знаем, что все имеет; свое начало и свой конец!

Давид (с внезапно посветлевшим лицом). Мейер Миронович?!

Вольф. Догадался!

Давид. Здравствуйте, Мейер Миронович! Когда вы приехали?

Вольф. Вчера. Собственно говоря, сегодня я уже должен был ехать дальше, но очень уж мне хотелось на тебя посмотреть! (Огляделся, придинул кресло, сел.) Если не возражаешь, я немножко присяду.

Давид (смутился). Ой, да, конечно! (После паузы.) Мейер Миронович, а вы мое последнее письмо получили?

Вольф. Получил. Но не успел ответить, я уже собрался в дорогу... Впрочем... (Из кожаной папки, которая у него в руках, достал какой-то конверт, из конверта старую фотографию, протянул фотографию Давиду.) Смешно, что из всех моих старых вещей у меня уцелела именно эта фотография... Вот – взгляни! Это некоторым образом ответ на твое последнее письмо. Ты просил, чтобы я рассказал тебе про твоего дедушку Абрама, – вот мы с ним вдвоем.

Давид (сдвинув брови). Он – слева?

Вольф. Да! (Обернулся к Чернышеву.) Извините, но я как-то сразу не сообразил... Вы, наверное, товарищ Чернышев?

Чернышев (протянул руку). Иван Кузьмич! Про вас, Мейер Миронович, я тоже слышал. С приездом.

Вольф. Спасибо. Большое спасибо.

Давид (с недоумением разглядывая фотографию). Странно!

Вольф. Что тебе странно, милый?

Давид. Ну, вы же знаете... Я вам писал... Дедушку Абрама расстреляли фашисты. Он набил морду одному гестаповцу, и они его расстреляли!

Вольф (с улыбкой). Ну и что же?

Давид. А здесь, на фотографии, он какой-то маленький, и...

Вольф (слегка насмешиливо). А ты думал, что он был похож на Чапаева или Спартака? Нет, нет, милый, – он был маленького роста, и, когда работал, надевал очки, и очень боялся темноты... И вообще всю свою жизнь он чего-нибудь боялся!

Давид (возмущенно). Но он набил морду гестаповцу!

Вольф (с той же интонацией). Ну и что же?! Не повторяй ошибки глупцов – не ищи прямых связей! У портных есть поговорка: если клиент заказывает к костюму две пары брюк, это еще не значит, что у него четыре ноги! (Помедлив.) Маленький трусоватый человек бросается с кулаками на гестаповца... Он выходит один – против целой армии. Впрочем, нет – это тоже ошибка! Он был не один! Родина его, сыновья и внуки – стояли за ним! Вот в чем секрет! И этот секрет, наверное, в самую последнюю минуту своей жизни понял твой дедушка Абрам... Понял и перестал наконец бояться!

Давид (растерянно). А я не думал... Я ведь совеем... Ну просто совсем про него ничего не знал! С папой – другое дело, у меня и фотографии его есть, и письма с фронта, и пластинки, на которых записано, как он играл...

Вольф. Где он погиб?

Давид. Он умер в госпитале. В Челябинске. Он был контужен и ранен, и все надеялись, что он останется жить, но он умер. На руках у дяди Вани! (С сердитым смешком.) Мама почему-то считает, что я не могу его помнить! А я его прекрасно помню, прекрасно!

Чернышев (покачал головой). Ну что ты, братец, сочиняешь?

Давид (неожиданно и мгновенно взрывается). Я сочиняю, да?! Это мама всех вас уговорила, что я сочиняю, что я маленький, что я ничего не знаю, не помню, не понимаю! А я, между прочим, если хотите знать, все помню, все! Вы думаете, я не помню, как мама с вами советовалась... Не изменить ли мне... Ну, одним словом, не взять ли мне ее фамилию?! Вы думаете, я не помню, как тетя Люда прибежала к нам сюда ночью и плакала – когда вас исключили из партии?!

Вольф (взглянул на Чернышева). Ах, вот как?! было и это?

Чернышев. Все было.

Вольф. Когда?

Чернышев. В пятьдесят втором. За потерю бдительности и политическую близорукость – так записано было в решении.

Вольф (задумчиво усмехнулся). Близорукость?! Один профессор-глазник... мы с ним вместе работали в шахте... Так вот, он рассказывал мне, что бывают случаи, когда ранняя близорукость переходит в позднюю дальновидность!...

Снизу, со двора, раздается чей-то истошный крик:

– Дави-и-ид!

Давид подбегает к окну, перевевивается через подоконник.

– Чего-о-о?

Несколько секунд продолжается таинственный, главным образом при помощи жестов, разговор между Давидом и невидимым собеседником во дворе. Наконец Давид слезает с подоконника.

Давид. Дядя Мейер, вы извините – вы не очень торопитесь?

Вольф. Не очень... А тебе нужно куда-то идти?

Давид (махнул рукой). Да нет... Там Вовка Сидельников... И он просит... Ну, я только сбегаю вниз и тут же вернусь, хорошо?

Вольф. Хорошо, конечно.

Давид. Я мигом! (Убегает.)

Молчание. Снова загремел по радио торжественный марш.

Вольф. День Победы сегодня.

Чернышев. Да. День Победы.

Вольф. Большой праздник!

Чернышев достает спрятанную Таней бутылку коньяку, две чистые рюмки.

Чернышев. Хотите?

Вольф (помолчав). А вы знаете, я – с удовольствием.

Чернышев (наливает коньяк в рюмки). Ну ладно. Выпьем. Помянем. Помолчим.

Вольф и Чернышев, не чокаясь, пьют. Молчание.

Вольф (внезапно). Хороший мальчик.

Чернышев. Трудный.

Вольф. А разве бывают легкие?! Главное, чтоб и ему не свела скулы оскомина!

Чернышев. В каком смысле?

Вольф. В Библии сказано: «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина...» Закон возмездия! (Снова помолчал, зажег спичку, закурил.) Под старость мне все чаще и чаще вспоминается детство, местечко, где я родился, и лохматые местечковые мудрецы – те самые, что с утра и до ночи вбивали этот закон в наши ребячье головы! (Грозным движением поднял тяжелую руку.) «Помните всегда, ты – чернявенький, и ты – рыжий, ты – конопатый, и ты – быстроглазый, помните и не забывайте, что на вас лежат грехи отцов ваших, дедов ваших и предков... И сколько бы ни молились вы и ни каялись, все равно –

будут дни ваши безрадостными и долгими и ночи душными и короткими. И сердца ваши будут вечно сжиматься от страха – и все потому, что отцы ели кислый виноград, а у вас, детей, на зубах оскомина...» Знаете, Иван Кузьмич, я пролетел сейчас через всю страну – из Магадана в Москву... Может быть, некоторым я казался немножко сумасшедшим – но и в пути, и здесь я хожу и заглядываю в лица молодым... Мне, понимаете, хочется убедиться, что они уже есть, что они существуют – эти молодые, с добрыми глазами и добрым сердцем, которые только добрые люди, только подвиги их отцов и старших братьев принимают в наследство!

Чернышев (осторожно). Видите ли, Мейер Миронович... Кстати, я ведь не очень-то в курсе: как это у вас получилось с Давидом? Как у вас началась переписка?

Вольф. Сначала – когда мне уже было можно – я написал в Тульчин, Абраму Ильичу. Но открытка вернулась обратно с пометкой: «За ненахождением адресата»... Тогда я запросил через московский адресный стол – так мне посоветовали умные люди – адрес Давида Шварца! (*Улыбается.*) Конечно, я имел в виду другого Давида – но ответил мне этот...

Чернышев (встал, прошелся по комнате, остановился). Вы сказали – добрые дела! (*В упор взглянул на Вольфа.*) А заблуждения и ошибки?! Нет, нет, погодите, дайте мне договорить! Вчера мне вернули мой партийный билет! И вот я шел из райкома и так же, как и вы, заглядывал в лица встречным... Когда-то я воевал на гражданке, потом учился, был секретарем партийного бюро консерватории, начальником санитарного поезда, комиссаром в госпитале... Работал в Минздраве... После пятьдесят второго мне пришлось, как выражался этот... ну, Остап Бендер, переквалифицироваться в управдомы... И вот я шел из райкома и думал... (*Снова взъяренно зашагал по комнате.*) ...Нет, Мейер Миронович, не так-то все просто!.. И они, эти молодые, они обязаны знать не только о наших подвигах, но и о наших ошибках... Мы сейчас много говорим о нравственности! Так вот, Нравственность – начинается с Правды! (*Поглядел на портрет старшего Давида.*) Вот ему я когда-то на один его вопрос ответил – разберутся! Понимаете?! Не я разберусь, не мы разберемся, а они, там, разберутся! И я знаю – Тане нелегко с этим мальчишкой, но мне нравится... Мне, черт побери, нравится, что он хочет и пытается до всего дойти сам... Пришло, видимо, такое время – время задавать вопросы и время отвечать на них!..

Возвращается Давид. Он прижимает к груди проекционный фонарь и круглую жестянную коробку с диапозитивами.

Давид. Извините!..

Вольф. Что это у тебя?..

Давид. Это?.. Вы понимаете, у нас есть кружок, астрономический... Он объединяет сразу несколько школ... Там даже из десятого класса ребята... И вот моему другу – Вовке Сидельникову, и мне – нам поручили доклад: «Есть ли жизнь на Марсе...» И вот – Вовка достал проекционный фонарь и диапозитивы – к нашему докладу...

Вольф. Очень интересно!

Давид (с надеждой). Может, хотите поглядеть?

Вольф (помолчав, со странной улыбкой). А почтовые открытки ты, случайно, не собираешь?

Давид (удивленно). Нет, а что?

Вольф. Ничего, ничего... Ты просто так спросил – таким голосом и с такой интонацией, что я невольно вспомнил... Ну, Не важно! (*Оглянулся на Чернышева.*) Мы с Иваном Кузьмичом с большим удовольствием послушаем твой доклад! Правда, Иван Кузьмич?

Чернышев. Разумеется.

Давид (засуетился). Тогда так... Тогда вы, Мейер Миронович, садитесь к дяде Ване на диван, а я... Минутку!

Вольф садится рядом с Чернышевым на диване. Давид ставит проекционный фонарь на круглый столик, принимается ввинчивать лампочку.

Чернышев (подождав). Ну как? Будет кино или кина не будет?

Давид. Сейчас, сейчас! (Ввернув лампочку, щелкнул крышкой фонаря.) Так! Ну, я могу начинать!

Чернышев. Внимание! Внимание!

Давид включает проекционный фонарь. На противоположной дивану стене, возле двери в соседнюю комнату, появляется желтый прямоугольник света и в нем надпись: «ЗЕМЛЯ – КОЛЫБЕЛЬ РАЗУМА, НО НЕЛЬЗЯ ВЕЧНО ЖИТЬ В КОЛЫБЕЛИ».

Вольф. Совсем неглупо сказано, между прочим.

Давид (тоном лектора). Эти слова принадлежат великому русскому ученому, отцу звездоплавания Константину Эдуардовичу Циолковскому.

Чернышев. Прекрасные слова!

Надпись на стене исчезает, и вместо нее появляется изображение планеты Марс.

Давид. Перед вами – планета Марс. Эти длинные тонкие полосы, которые вы видите на рисунке, итальянский астроном Скиапарелли условно назвал «каналами»... Уже много лет учёные всего мира спорят по поводу того, являются ли эти «каналы» естественными или это искусственные сооружения. Мы с товарищем Сидельниковым предлагаем собственную гипотезу... Гипотезу «Сидельникова-Шварца»... По-нашему...

Чернышев (перебил). Не знаю, как по-вашему, а по-моему, они нахалы!

Давид. Кто?

Чернышев. Авторы новой гипотезы, товарищи Сидельников и Шварц!

Давид. Ну, дядя Ваня!..

Чернышев (засмеялся). Молчу, молчу.

Снова меняется изображение на стене. Теперь это чертеж. За спиной Давида неслышно отворяется дверь, ведущая в прихожую. На пороге – Таня с пакетами, Старуха Гуревич и какой-то худенький мальчик лет десяти, с тоненькой девичьей шейкой и большими бархатными глазами. Чернышев и Вольф делают движение встать, но Таня предостерегающе прикладывает палец к губам.

Давид (увлеченно, ничего не замечая). Сейчас вы видите чертеж-схему распределения теплового баланса. Это очень важный для нашей гипотезы вопрос... В северном полушарии, например, весна и лето длинные, но холодные...

Старуха Гуревич. Боже мой, это где же такое? В Москве? Или на Дальнем Востоке?

Таня. На Марсе.

Старуха Гуревич. Ах, на Марсе?! (Со смешком.) Ну, на Марсе – пожалуйста! На Марсе у меня пока еще нет родственников!

Давид (упавшим голосом). Ну – все! (Выключает проекционный аппарат, обернулся к Тане.) Мама, познакомься, пожалуйста – это товарищ Вольф Мейер Миронович...

Старуха Гуревич (шагнула вперед). Мейер Вольф?! (Всплеснула руками.) Я это предчувствовала!

Вольф (тихо). Здравствуйте, Роза! (Поклонился Тане.) Здравствуйте... Извините... Я, как говорится, без приглашения...

Таня. Я очень рада, Мейер Миронович...

Старуха Гуревич (перебила). Подождите радоваться. И подождите здороваться.

Слушайте сначала, что скажу я! (*Вышла вперед, на середину комнаты, уничтожающе посмотрела на Вольфа.*) Когда вы прилетели в Москву, Мейер Вольф?

Вольф. Вчера.

Старуха Гуревич. Во Внуково?

Вольф. Во Внуково.

Старуха Гуревич. Вы меня видели?

Вольф (засмеялся). Ну... видел...

Старуха Гуревич. Вы мне не «нукайте»! Почему же вы ко мне не подошли?

Вольф. Мне показалось...

Старуха Гуревич. Ему показалось! (*Вздохнула.*) Да-а, вы умный человек, Мейер Вольф, но вы очень большой дурак!

Вольф (с непонятной радостью). Ну что вы, Роза!

Старуха Гуревич. Можете мне поверить. В чем, в чем, а в дураках я разбираюсь неплохо! (*Обращаясь ко всем.*) Понимаете, дети мои, вчера я ездила на аэродром во Внуково: встречать одного гражданина из Владивостока... Я стою, мой самолет опаздывает, я волнуюсь – все хорошо! В это время прилетает другой самолет, не из Владивостока... Я стою, мимо проходят люди, проходит вот он и смотрит на меня так, как будто он очень хочет со мной познакомиться! (*Усмехнулась.*) А как-то так случилось, надо вам сказать, что с прошлой недели я перестала интересоваться мужчинами... Он на меня смотрит, а я отворачиваюсь – он мне не нужен, ко мне летит совсем другой кавалер... Так как поступает умный человек? Умный человек подходит и говорит: «Здравствуйте, Роза, я ваш старый друг, Мейер Вольф, можно я вас поцелую?»

Вольф (улыбаясь). Можно я вас поцелую. Роза?

Старуха Гуревич. Нет, теперь вы меня еще об ЭТОМ хорошенъко попросите! (*Неожиданно всхлипнула, сама обняла Вольфа, расцеловала.*) Как же вам не совестно, Мейер?! (*Снова, ко всем.*) Он, видите ли, прошел мимо. Он гордый. Он граф Люксембургский... Ему показалось, что я не хочу его узнать из-за того, что... Ну, все понятно. (*Перевела дыхание.*) А я действительно не узнала вас, Мейер! Просто не узнала. И потом, я волновалась – я встречала внучка, который – один! – летел из Владивостока. Где ты там, Мишенька? Иди сюда! Смотрите, Мейер, это мой внучек, сын Ханы... Поздоровайся, золотко, с дядей Мейером!

Мальчик. Здравствуйте!

Старуха Гуревич (*Чернышеву*). Ванечка, я, во-первых, поздравляю вас с праздником, а во-вторых, смотрите – это сын Ханы! (*Давиду.*) Познакомься, Додик... Это твой дружок. Будете с ним дружиться... Ну!

Давид (не выражая особенной радости). Привет. Меня зовут Давид.

Мальчик (робко). Миша.

Старуха Гуревич. Внучек, а? Мишенька! К бабушке прилетел! Михаил Константинович Скоробогатенко! Как вам нравится? Я даже не знала, что есть такие фамилии!

Таня. Он очень похож на Хану, очень.

Старуха Гуревич. Глаза мамины, фамилия папина, а жить будет у бабушки с дедушкой... Будет учиться на скрипке. Или на рояле. Чтобы весь день играл, а бабушка с дедушкой слушали и радовались! (*Махнула рукой.*) Ладно! Расскажите-ка нам, Мейер... Или нет! Лучше сделаем так – взрослые пойдут в соседнюю комнату, а мальчики полчаса поиграют здесь... И если они будут умными мальчиками, так через полчаса их позвовут пить чай и дадут им хорошему куску мороженого торта! (*Наклонилась, что-то шепнула мальчику на ухо.*) Не надо?

Мальчик (энергично замотал головой). Нет, нет, нет!

Старуха Гуревич. Ну гляди! Бабушку не конфузь!..

Смеркается. В доме напротив зажгли свет. Крикнула женщина, весело и протяжно:

«Катюша-а-а!..»

Вольф (негромко). И это не наваждение, вздор! Дворы есть дворы, дети есть дети! Все продолжается – и это прекрасно! (*Притянул к себе Давида за плечи.*) Мне очень понравился твой доклад... Мне очень понравилось, что у тебя такая большая земля, маленький Давид!

Старуха Гуревич. Пошли, пошли! Танечка, детка, ты не беспокойся, я помогу тебе по хозяйству... Давид... не обижай тут Мишеньку! Пошли!

Старуха Гуревич, Таня, Мейер Вольф и Чернышев уходят в соседнюю комнату. Мальчики остаются одни. Давид принимается укладывать диапозитивы в жестяную коробку, громко и фальшиво поет:

По разным странам я ходил,
И мой сурок со мною,
И весел я, и счастлив был,
И мой сурок со мною...

Таня (из соседней комнаты). Врешь, врешь! Немыслимо врешь, перестань!

Давид (обиженно). А я развиваю слух. Это что – тоже нельзя?

Таня. Можно. Развивай. Но только в те часы, когда никого нет дома!..

Молчание.

Давид. Слушай-ка... Скоробогатенко твоя фамилия?

Мальчик. Скоробогатенко.

Давид. Это верно, что ты вчера прилетел из Владивостока?

Мальчик. Верно.

Давид. Один?

Мальчик. Один.

Давид (со смешком). Представляю! Всю дорогу, небось, дрожал!..

Мальчик (спокойно). Нет, я не очень боялся. Я уже летал с мамой. Но одному, конечно, страшнее.

Давид. Еще бы! А здесь ты у бабушки с дедушкой будешь жить?

Мальчик. Да. На улице Матросская тишина! (*Неожиданно ожился.*) Ты знаешь, мы с папой никак не могли понять, что это такое – Матросская тишина! А мама смеялась над нами и говорила, что это такая гавань, кладбище кораблей...

Давид. Ну, правильно!

Мальчик. Как же правильно, когда Матросская тишина... улица?! Самая обыкновенная улица. Бабушка говорит, что ее так назвали потому, что в старые времена там была больница для моряков...

Давид (презрительно). Бабушка говорит, дедушка говорит... Много они понимают! Есть Матросская тишина – улица. А есть другая – гавань, где стоят каравеллы, шхуны и парусники, а в маленьких домиках на берегу живут старые моряки со всего света...

Мальчик. А где она?

Давид. Так тебе и скажи! Сам должен найти!

Мальчик. А ты нашел?

Давид (явно уклоняясь от ответа). Слушай-ка, Скоробогатенко, а чего ты вообще приехал сюда? Чего ты во Владивостоке не остался?

Мальчик. Мне нельзя.

Давид. Почему?

Мальчик (гордо). Потому что у меня слабые легкие. Меня из-за них папа в этом году даже в кругосветку не взял. Обещал и не взял. Врачи не разрешили.

Давид. В какую кругосветку?

Мальчик. В кругосветное плавание. Через Индийский океан, через Суэцкий канал... В общем, вокруг всего шарика!

Давид (сурохо). Знаешь, Скоробогатенко, легкие у тебя, может, и слабые, но уж зато врать – ты здоров! (После паузы.) У тебя кто отец?

Мальчик. Капитан дальнего плавания. Он на лайнере ходит. Он уже четыре раза в кругосветку ходил!..

Давид молчит. Отворяется дверь, ведущая в прихожую, и быстро входит Людмила.

Людмила. Привет, лопушок. Вы чего тут без света? А где все? Там?

Давид молча кивает. Людмила проходит в соседнюю комнату, где ее появление встречается громкими возгласами и смехом.

Давид (пожевал губами). Вот что, Скоробогатенко... А ты, между прочим, слышал, как мой папа играет?

Мальчик. Слышал. У нас пластинка есть. На одной стороне – «Грустная песенка» Калинникова, а на другой – Сарасате, «Цыганский танец»...

Давид. А мазурку Венявского слушал? Нет? Ничего ты, выходит, не слушал. Хочешь, поставлю?

Мальчик. А можно?

Давид. Если я говорю – значит, можно! (Размахивая руками.) Ты мой гость, я тебя развлекать обязан! Сейчас, погоди...

Давид соскакивает с подоконника, в темноте на ощупь находит пластинку, придерживает пальцами диск, ставит пластинку и возвращается на подоконник. Мальчик садится с ним рядом. Сумерки. И как только раздаются первые такты печальной и церемонной мазурки Венявского – и здесь, и в соседней комнате наступает удивительная тишина. Звучит мазурка Венявского. В освещенном проеме двери появляется Таня. Она останавливается на пороге, как бы на границе между светом и тенью, и, прислонившись головой к дверному косяку, слушает, а затем коротко всхлипывает, как всхлипывают дети после плача. И тогда Давид подбегает к Тане, обеими руками крепко, точно оберегая, обхватывает ее руку.

Таня (шепотом). Что, милый?

В темное вечернее небо взлетают разноцветные гирлянды торжественного салюта.

Давид. Салют.

Таня. Да. День Победы.

Давид. Знаешь, мама... Ты не сердись...

Таня. Что, милый?

Давид (после долгой паузы). Знаешь, мама... Ты не будешь смеяться?

Таня. Нет, милый. Что?

Давид (серъезно). Знаешь, мама... Мне почему-то кажется, что я никогда не умру! Никогда!..

Звучит мазурка Венявского. Взлетают в небо и гаснут залпы торжественного салюта. Далеко гудят поезд. Женщина зовет дочку со двора: «Катюша-а-а!..»

Занавес

